

Татьяна Викторова

154,4 тыс. подписчиков

ЯСНЫЙ ДЕНЬ:

Рассказы, которые согреют
в любую непогоду

///
рассказы рунета

Татьяна Викторова
Ясный день. Рассказы, которые
согреют в любую непогоду
Серия «Рассказы Рунета»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69608500

Ясный день. Рассказы, которые согреют в любую непогоду:

Издательство АСТ; М.; 2023

ISBN 978-5-17-158567-9

Аннотация

Татьяна Викторова – российская писательница, получившая широкую популярность на Дзене благодаря своим коротким, дарящим надежду рассказам. Количество подписчиков на канале Татьяны «Ясный день» насчитывает более 150 тысяч и продолжает расти.

В книге «Ясный день. Рассказы, которые согреют в любую непогоду» собраны рассказы о жизни, судьбах разных людей. Каждый рассказ – это искренняя и трогательная история, окутанная светом и энергией, способной согреть в самую ненастную погоду. Автор умело передает тепло и чувства в каждой строчке, подарив читателям незабываемые истории, которые придают уверенности и твердо верят в истинное счастье.

С этой книгой вы сможете окунуться в мир, где любовь и доброта всегда преобладают, а счастливый финал становится лишь началом новых возможностей.

Содержание

Бегущая Клава	6
Главбух	18
Лучше синица в руках	24
Невестка	47
Дохлик	61
Очень важное задание	68
Сирота	76
Синее платье	83
Серые глаза	89
Добро пожаловать в семью, детка	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Татьяна Викторова
Ясный день. Рассказы,
которые согреют
в любую непогоду

© Викторова Т., текст, 2023.

© ООО «Издательство АСТ», 2023.

Бегучая Клава

– А твой-то, поди, встречает, весь перрон истоптал, пока ждал. Слышь, Клава, красавец твой ждет не дождется.

– Да хоть бы! Сумку отдам, неподъемная...

– Да ну, только из-за сумки... а сама не соскучилась?

Клавдия делает вид, что не слышит, хотя и прячет улыбку на усталом лице, заглядывая в каждое купе. Ходит она торопливо, почти бегом, привыкла за годы работы. Крикнет кто: «Проводница, чайку бы!» – она в ответ: «Бегу, бегу».

И убирается так же скоро, и белье выдает – шустрая, с ладной фигурой женщина. Напарница так и прозвала ее: «бегучая».

– Ох, и бегучая ты, Клавка, в Москве за тобой не угонишься. И куда торопишься?

– Куда я тороплюсь? Известное дело: заказы выполнить.

Трое суток идет поезд до Москвы. А в столице неполный день стоит, вот проводники и рвутся дефицит раздобыть. Дома-то, как говорится, голяк на полках магазина, а в столице хоть что-то «выбрасывали», места знать надо, да времени бы побольше. В 90-е так и было.

В эту поездку Клава купила кофе, саями, шоколадные конфеты да еще много чего вкусного, что довести можно. В пакете с импортными надписями лежал пуловер для Гоши, Клава чаще звала его Гошенька. Сошлись год назад, расписа-

лись. Дочка хмыкнула на появление Георгия в доме, но ничего не сказала, поняла, что влюбилась мать.

Набитая сумка была такой тяжелой, что Клавдии приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. Потом она хватала сумку и бормотала на ходу: «Бегу, бегу, бегу», подгоняя себя. Она и дома по привычке повторяла: «Бегу, бегу, Гошенька», это если позовет рубашку подать или чаю налить.

Уже в метро пора спускаться, на Казанский вокзал торопиться надо, а Клавдия увидела очередь в универмаг. Машинально завернула – больше из любопытства. Очередь двигалась быстро. «Ну а что, метро рядом, доехать успею», – решила она.

Досталась Клавдии в этот раз курточка, кожаная, как раз ее размера. Была эта курточка последней. Пожалела она, что дочери не подойдет: на два размера больше оказалась. А Клавдии в самый раз.

– Что, и примерять не будете? – спросила продавщица. Клавдия молча надела куртку – как будто на нее шили. Стоявшая за ней женщина с завистью сказала:

– Если не берете, так отойдите.

– Чего это я отойду, возьму я ее!

Вещи себе покупала редко. Эта куртка как на голову ей свалилась, совсем случайно. И думала она тогда про Гошу: хотелось ему нравиться, чтобы любовался ею.

К вагону торопилась изо всех сил: «Бегу, бегу», приговаривала она. Напарница тоже только что пришла, скоро со-

став на посадку потянут.

Уже в дороге, часа через два, как выехали из Москвы, напарница Люда спросила:

– Ну говори, чего купила?

Клавдия достала серо-голубой пуловер для Гоши, как раз под цвет его глаз.

– Ну это вещь! Он и так у тебя красавец, ох, одеваешь ты его, Клавка...

– Я и себе купила.

– Да ну! В кои-то веки себе, ты ведь все мужику своему, дочке, внуку да родственникам Гошиным.

Клава бережно достала кожаную курточку. Трудно было не заметить качественную мягкую кожу, да и сама куртка была так ладно скроена и приятно пахла.

– Ой, Клавка, я еще таких не видела.

– Последняя досталась.

– Ну примерь!

Клава легко надела курточку и смущенно посмотрела на Людмилу. Не привыкшая хвастаться, она почувствовала неловкость.

– Да она же на тебя сшита, как влитая сидит! Ты сразу в ней такая... такая особенная. Вот еще обувь, юбку моднячую и можно по нашему местному «Бродвею» под ручку со своим красавцем прогуливаться, – Людмила спрыгнула и прошлась по вагону, как будто на прогулке: «Лай-лай», тихо запела она.

– Не смейся меня, какой «Бродвей», надену какой раз, – Клава сняла курточку и прижала ее к груди, радуясь удачной покупке.

Поезд замедлил ход, приближаясь к станции. Пассажиры, с сумками, чемоданами, стояли еще сонные, поглядывая в окна, пытаясь увидеть встречающих.

Клава стояла до последнего человека. Георгия почему-то не было. Невысокий мужичок в кепке стоял напротив и выкрикивал: «Кому в город? Кому на автовокзал?»

– Клава, здорово! Может, тебя подвезти? – спросил он знакомую проводницу.

– Здравствуй, Юра, меня муж встретит.

Юрий таксовал, когда не его смена. Зарплату платили с перебоями, поэтому вставал раненько и на вокзал.

– А-а-аа, понял. Ну, если что, то тебя бесплатно, я добро помню.

– Ладно, Юра, может, какой раз подвезешь, – Клавдия частенько находила пассажиров для таксиста еще в вагоне, можно сказать, передавала почти из рук в руки. Она знала этого простого мужичка – работягу, который помогал сыну-студенту.

– Ну и где твой мастер (Георгий работал мастером цеха на заводе)? Не встречает, что ли? – спросила напарница.

– Должен быть, – Клавдия вернулась в вагон и поглядывала в окно. Не заметила, как кто-то поднялся и вошел в там-

бур. – Ой, Гошенька! Бегу, бегу, – она обхватила за шею высокого Гошу. Широкий в плечах, симпатичный и гладко выбритый Георгий важно стоял в тамбуре, поджидая жену.

– Ну ладно, ладно, я тоже соскучился... Где там твоя сумка?

– Да вот она, увези домой, а я уж налегке доберусь после планерки. Гошенька, там продукты... Ну ты сам разберешь.

Он вышел из вагона, неся сумку легко, как будто и не тяжелая была.

Домой Клава приехала только к обеду. Сумка была открыта, продукты разложены. И вещи тоже. Она еще раз взяла в руки куртку: «Ладно, вечером похвастаюсь». Пошла в ванную, приняла душ и уставшая легла на постель. Уже засыпая, бормотала: «Бегу, бегу...»

К приходу Гоши успела сварить супчик. Георгий степенно разделся, умылся, неторопливо вытерся полотенцем. Темные, слегка волнистые волосы аккуратно причесал, прошел на кухню и сел у стола, закинув ногу на ногу.

– Это ты молодец, что салями купила, – он сам взялся резать колбасу, сыр, потом покрутил в руках банку кофе. – Ирка просила кофе, ты не забыла купить?

– Ой, забыла! – Клава присела на табурет. – Слушай, совсем забыла. Да и некуда было, хоть в зубах неси.

– Эх ты, тетеха, записывать надо, раз память дырявая.

– Ну хочешь, эту банку отдадим, а в следующий раз куп-

лю, у нас же есть кофе.

– Ладно, пусть берет эту банку, – согласился Георгий.

Ира была его родной сестрой.

– Кстати, она скоро придет, я звонил ей. Ты же куртку Ирке привезла.

– Куртку?! – Клава даже не поняла сразу. Потом вспомнила, что у нее с Иркой один размер. – Почему Ире? Она не заказывала, это я себе купила.

Гоша, отправляя очередной ломтик салями себе в рот, не сводил глаз с Клавы:

– А тебе она зачем? – не прожевав, спросил он. – Есть же чего носить.

– Как зачем? Понравилась. – Она кинулась в комнату, принесла куртку. – Ты только глянь, как она мне идет! Посмотри, как сидит, – она надела ее и несколько раз повернулась.

– А денег сколь стоит?

– Сто2ит, Гоша, сто2ит, ну так я же зарплату получаю.

– Да-а, Клава, транжира ты. Запчасти для машины купить надо? Надо. Заправить машину надо? Надо. Сумки-то тебе кто возит? Я вожу. Телевизор новый надо купить... а ты куртку за бешеные деньги. Продай ты ее Ирке, пока она согласна взять.

– А откуда она знает про куртку?

– Ну, так я сказал, она обрадовалась, деньги сегодня отдаст, – Георгий увидел грустное лицо жены, встал и обнял

ее. – Зачем она тебе, только лишние траты. Да и куда в ней пойдешь?

Звонок в дверь прервал разговор.

– Бегу, бегу, – машинально сказала Клава и направилась к двери. Ира, яркая блондинка, впорхнула в квартиру.

– Клавочка, показывай! Гоша сказал, что ты куртку импортную на меня привезла.

Клава и двух слов не успела сказать, как Ира оказалась в комнате:

– Ух, как вкусно пахнет! Ладно, продукты потом. Конфеты, кстати, привезла?

– Привезла, – Клава уже совсем растерялась, не зная, что сказать.

– Это она? – Ира схватила куртку, ощупывая и разглядывая. – Ой, я еще такую не видела, – она надела ее и с упоением стала крутиться у зеркала, – на меня, точно на меня! Ну спасибо, угодила! Сколь стоит-то? Ты уж сильно не загибай, а то я сейчас на мели. Но ты не переживай, я отдам, завтра же отдам, займу, но отдам.

– Вот это дело, – в комнату вошел Георгий, – молодец, сеструха, сказала, деньги будут, значит будут. Слышь, Клава, ты вози дефицит, Ирка найдет применение, – он обнял женщину и повел в кухню:

– Пойдемте, девчонки, чайком побалуемся, у нас сегодня деликатесы.

Георгий взял гитару, коснулся пальцами струн. Клаве нра-

вилось, как поет Георгий: первый раз как услышала, так, может, и еще больше влюбилась. Когда Клава возвращалась из поездки, вечером Георгий, довольный подарками, брал гитару. А подарки Клава привозила часто. Один только ящик с импортными инструментами чего стоил. Обувь импортная, костюмы, да и так много чего для любимого Гоши. Себя Клавдия, признаться, обделяла. В поездке в форме, а дома дел полно, особо выйти некуда.

Но в этот раз куртка, которую она купила случайно, запала в душу.

– Ира, куртку-то я себе взяла, – наконец призналась хозяйка.

– Здрасьте вам, – Ирка скривила губы, – Гоша сказал, приезжай, забирай...

– Поторопился Гоша. Себе я купила.

– Чего опять? – Гоша отложил гитару. – Договорились же, деньги нам нужны, куртку продаем.

– И правда, Клава, продай ее мне, – стала упрашивать Ира, – ты вон при мужике живешь, какого красавца отхватила, он тебе сумки таскает. А я в разводе, мне надо замуж выходить, вещи модные нужны. Не убудет с тебя, если куртку отдашь.

Клава молчала. Внутри вдруг все перевернулось. Не то чтобы так куртку было жалко. Это были другие чувства, хоть и связанные с вещью, которую она купила для себя. Радость вдруг пропала. То настроение, с которым она в вагон

в Москве вернулась и с которым ехала домой, исчезло.

– Гоша, так моя же вещь, ты же не спросил, а уже распорядился.

– Короче, Клава, купишь ты себе еще, а эту куртку мне уступи. – Ира взяла ее и стала сворачивать. – Ну?! Договорились?

– Ну, вот что, – устало сказала Клавдия, – оставь вещь. Не продается.

– Все с вами ясно, – Ирка швырнула куртку и надула губы, – я пошла, можете не провожать, – она кинула в сумку палку салями и кофе, коробку конфет, которые Клава привезла ей. – За продукты деньги завтра отдам.

– Ир, погоди, – крикнул Гоша, – я провожу.

Клава так и сидела на кухне, глядя в одну точку.

– Ну и характер у тебя, Клавдия, знал бы, не женился, – начал Георгий, когда проводил сестру. – Зачем ты меня перед сестрой унижаешь, против моего слова идешь? Я пообещал, могла бы и согласиться, а ты уперлась, как... хоть разводишься, – заикнулся Георгий, зная, что для Клавдии такой намек будет болезненным.

– Разводишься, – равнодушно сказала она, не испугавшись его слов.

Георгий подошел к столу, наклонился к Клавдии, упершись руками в стол. – И разведусь...

– Ну и разводишься, – не медля, ответила она.

Спать легли отдельно. В последующие дни почти не раз-

говаривали. Вообще-то Клава пыталась заговорить, но Георгий дулся, уклонялся от ответов, а если какой раз и отвечал, то как будто одолжение делал.

– На развод я подала, Гоша, – Клавдия ошеломила мужа новостью, – ты хотел развестись, вот и разводимся.

Георгий думал, что она ищет пути примирения, а она все-рьез решила развестись: «Съехать тебе надо, пока я дома, вещи помогу собрать».

Георгий психовал:

– Поспешное решение, Клавдия, я-то найду себе, а вот ты будешь локти кусать.

– Поспешили, когда решили расписаться, – ответила Клава.

Наконец, собрав все подарки, купленные Клавдией за совместный год жизни, Георгий съехал. Она упала на кровать и зарыдала. До этой минуты стойко держалась, а как только он вышел из квартиры, так сразу истерика началась. Весь вечер проплакала, потому что надежды рухнули, все ее мечты, связанные с Георгием, – все разрушилось в одночасье.

Через неделю Георгий встретил ее в магазине недалеко от дома, сразу было заметно, что ждал. Напыщенность куда-то исчезла, взгляд заискивающий:

– Клава, давай помогу, – он хотел взять сумку из рук.

– Сама донесу, не тяжелая, – она пошла, не останавливаясь.

– Клава, погоди, остановись на минуту, давай погово-

рим! – крикнул вслед.

– Бегу, бегу, бегу, – шептала она, ускоряя шаг и все больше удаляясь от Георгия. Так до самого подъезда и повторяла: «Бегу, бегу, бегу». Так и убежала в этот раз от мужа, который через несколько дней стал бывшим. Когда, наконец, поймешь, что тебя не любят, то как-то решительнее становишься.

Это была первая поездка после отпуска. В Москве она думала, куда ей поехать. Удивительное дело: в этот раз почти не торопилась. Она старалась не торопиться. В сумке лежали гостинцы дочери и внуку, и сама сумка в этот раз была не тяжелой. Остановилась у киоска с мороженым, купила любимое эскимо и села на скамейку. Вокруг суетился народ, все куда-то спешили, и только Клава чувствовала свободу, зная, что в запасе еще полно времени. Она не помнила, когда последний раз сидела на скамейке с мороженым.

Совсем не хотелось бежать за дефицитом, в этот раз отпустила саму себя просто погулять. И в вагоне стала ходить чуть медленнее, а на больших перегонах смотрела в окно, любясь золотистыми березами.

– Хозяюшка, чайку можно? – просили пассажиры.

– Бегу, бегу, – отвечала она и тут же поправляла саму себя, – иду, иду, – и замедляла шаг. Когда меньше суеты, думается лучше.

На перроне знакомый таксист Юра выкрикивал:

– Кому до автовокзала?

– Юра, тут муж с женой такси спрашивали, подвези.

– Спасибо, Клава! Снова выручила. Когда же я тебя-то подвезу?

– А вот сегодня и подвези. После планерки. Сможешь?

– Смогу! Лишь бы муж не ревновал...

– А мужа нет, – ответила она.

– Это хорошо... Ой, прости ты меня, может, это и плохо, только я почему-то обрадовался. Приеду сегодня, точно приеду.

Клавдия кивнула. И вроде мыслей никаких не было, и планов никаких не строила, а почему-то подумалось: «Пусть подвезет добрый человек, разве это плохо. Это хорошо, когда кто-то хочет добро тебе сделать».

Главбух

Полутемный коридор на втором этаже встречал прохладой.

– А чего света нет? – ворчали дамы из планового отдела.

– Так экономия, – хихикали технологи, – наша главбухша даже на лампочках экономит.

Главбухшей звали Альбину Андриановну, строгую пышнотелую даму. По возрасту – под полтинник, по опыту – может предприятием управлять, разбирается во всем.

– Так, Никодимов, когда отчет будешь как надо подавать? – Альбина грозно взглянула на забежавшего снабженца, худощавого, высокого, шустрого Николая лет тридцати. – Снова расход бензина большой!

– Вы что, думаете, я его пью? – Николай развернулся к Альбине как на шарнирах. Грузная, с гладкой прической, собранной в пучок, в очках, которые сползли на кончик носа, она смотрела на снабженца как удав на кролика.

– Я почему знаю, что ты с ним делаешь, понимать должен, в какое время живем, и сколь еще продлится эта канитель, неизвестно. Так что не гоняй машину почему зря. Или водителя контролируй...

– Альбина Андриановна, что вы наезжаете каждый раз?

– Ладно, иди отсюда, следующий раз заставлю отчет переставлять.

Николай и сам собрался уходить, зная, что с «грозбухшей» (так ее называли за глаза) лучше не связываться. Поговаривали, что ее сам директор и главный инженер боятся. На самом деле, не боялись, а уважали за ее скрупулезность и жесткую экономию, время было тяжелое: 90-е годы.

– Альбина Андриановна, а если бы у тебя такой зять был? – со смехом спросила бухгалтерша материальной группы Людмила.

– Зять – нечего взять! – проворчала главбухша. – Зачем он мне сдался, к тому же женатый?

Все знали, что Николай боготворил свою молодую жену, сдувая с нее пылинки. Стройную, фигуристую Светочку видели с ним в городе. Навьюченный, как ишак, он нес сумки, а она стучала каблучками рядом.

– Ну да, у него жена-красавица, – согласилась Людмила, – он от нее, как говорит молодежь, без ума.

– Вот-вот, иногда с документами работает «без ума», – вставила очередную «шпильку» главбухша.

– Ну, Альбина Андриановна, зато как снабженец – он старательный, носом землю рыть будет, а найдет любую деталь.

Главбухша молчала, не собираясь менять свое мнение. Для нее порядок – прежде всего, будь то Никодимов или кто другой, скажет все в глаза.

Николай лишний раз старался не заходить в бухгалтерию, чтобы не «столкнуться» взглядом с вредной главбухшей. «Вот сколько в ней веса, столько и вредности», – подум-

мал он про себя, выходя из кабинета.

Утро в тот день было солнечное, ветви с молодой, едва проклюнувшейся листвой качались за окном от теплого ветра. Альбина, отдышавшись, села за стол и стала, не торопясь, раскладывать бумаги. Она любила приходить пораньше, когда еще никого не было, любила этот настрой на работу, свежесть утра и тишину.

Дверь распахнулась, появился Никодимов, – она заметила это краем глаза, губы слегка скривились: «Принесло в такую рань», подумала она и, не глядя на него, сквозь зубы произнесла:

– Ну чего еще? Вчера же все сдал.

– Тут с прошлого месяца бумажка, – сказал он потерянным голосом. Голос был настолько непривычно тихим, что «грозбухша» невольно взглянула на него. Бледный, осунувшийся, он был похож на несчастного человека, хотя из всех сил старался этого не показывать. Положив документ на стол, Николай хотел выскользнуть из кабинета, но Альбина остановила.

– Никодимов, погоди, ты чего такой? Стой, тебе говорю, – она пододвинула стул, – садись на пять минут. – Случилось чего?

Никодимов, как послушный школьник, впервые не ерепенился перед ней, молча присел рядом.

– Не спал, что ли? Беда какая случилось?

И вдруг этот молодой, неунывающий мужчина вздрогнул,

губы затряслись, как у обиженного ребенка: «Жена ушла», упавшим голосом признался он. И тут же отвернулся, потому как излишняя эмоциональность увлажнила глаза, а плакать было стыдно, тем более перед грозбухшей, с которой он давно как кошка с собакой.

– Ах ты, матушки мои, – ахнула она.

И эта неприступная стена, эта глыба, умевшая поставить на место любого на предприятии, обнажила всю свою сердобольную женскую натуру.

– Не стыдись, всплакни, если хочешь, не держи в себе, Коля.

И он, растроганный от неожиданного понимания, повернулся, и голова его непроизвольно склонилась на ее мягкое плечо. А она гладила по голове, как маленького:

– Было и со мной такое, знаю, проходили, благоверный также ушел и ручкой не помахал.

– Простите, Альбина Андриановна, – Никодимов словно опомнился, – это минутная слабость.

Эти слезы появились второй раз в жизни. Первый раз, когда умерла тетка, вырастившая его. Забрала из детдома после гибели родителей, вырастила как родного сына. А когда ему было восемнадцать, ушла в иной мир, оставив одного. И только Света была его лучиком жизни, ради которого хотелось жить.

– погоди, не торопись, может, она вернется.

– Не вернется, это точно, сама призналась, что другого лю-

бит, он молодой предприниматель, любовь у них.

– А ты не бери в голову, ты работай, это отвлекает. Посиди тут, я чайку вскипятну, у меня и бутерброд есть, ты же голодный, поди.

Николай соскочил, замахав руками:

– Нет-нет-нет, я не хочу, и на том спасибо. Простите, не хотел, так получилось.

– Пообещай мне, что глупостей не наделаешь. Это я тебе как мать говорю. Все пройдет, и это тоже.

Казалось, ему и в самом деле стало легче, взгляд посветлел, он с благодарностью смотрел на главбухшу, которая от сочувствия и сама готова была расплакаться.

В конце недели Николай сам предложил Альбине отвезти ей на дачу бочку для воды.

– Да что ты, мне и так отвезут, не трать время, – но он был так настойчив, что Альбина согласилась.

Больше никогда они не ссорились, и наконец-то оба увидели друг в друге отзывчивых людей. Жена Светочка к Никодимову так и не вернулась, уютно устроившись у перспективного предпринимателя.

Через полгода главбухша познакомила Николая со своей дочерью Леной. А еще через полгода стала тещей.

– А как же ты, Альбина Андриановна, свой «цветок лазоревый», свою Леночку Николаю отдала? – спросила Людмила.

– Сам взял, и Леночка сама пошла. Коля – хороший, на-

дежный, пусть живут.

В пятьдесят один год Альбина Андриановна впервые стала бабушкой, а Николай «летал как на крыльях», узнав, что у него родился первенец. В тридцать лет.

Лучше синица в руках

Сашка Варламов наконец-то вернулся домой. Пять лет на Севере. Уехал сразу после армии. Родители думали, там и женится. Но вернулся один, так и не прикипев душой к какой-нибудь симпатичной девчонке. В маленьком городишке, затерянном на просторах Сибири, ахнули знакомые и родственники: «Вот это бугай». Высокий, заматерелый, бородастый – он был похож на скалу, да еще взгляд, если не улыбается, суровый... Но Сашка обычно с улыбкой здоровался, охотно общался и с первых секунд располагал к себе. А бороду через три дня сбрил.

Старшая сестра Галя предложила срочно женить младшего брата.

– Сам разберусь. Сейчас оглянусь, выберу себе...

Он ходил в местный Дом культуры на танцы, задерживался с друзьями, знакомился, потом так же легко, как знакомился, расставался.

– Пойдем, потанцуем, – предложила как-то девчонка на танцах, ростом до подбородка ему, волосы, как будто спелая пшеница, глаза... а вот глаза он не разглядел, потому как смотрел куда-то вдаль.

– Помнишь меня? – спросила девушка. – Мы же учились в одной школе. Я Ольга Сеницына.

Он остановился, слегка отстранился, посмотрел в лицо.

– Ну так, вроде немного помню. А ты ничего. Не замужем, что ли?

– Не замужем.

– А чего не выходишь? Женихов нет?

Девушка серьезно ответила:

– Тебя жду.

– Шутница, однако. Меня можно и не дожидаться. – Они еще вяло потоптались на месте, пока не стихла музыка.

Сашка тут же забыл про Ольгу, видел изредка, но не подходил. А тут еще в гости к бабушке приехала с краевого центра студентка-красавица. Всего на несколько дней, а Варламову одного взгляда хватило: начал крутиться возле нее. А она стройная, натура утонченная, элегантная – вроде с улыбкой отвечает, а всерьез парня воспринимать не хочет.

Она на автобус, а он на мотоцикле за ней. Ну, проехал километров двадцать, а потом вернулся. На остановке Ольга сидит. Одна. Остановился Сашка, подошел, сел рядом.

– Ну что, скучаешь, Синицына? Куда ехать собралась?

– Домой. С работы я.

– Чего такая грустная? – он по-дружески обнял ее. – Слышь, Синицына, чего молчишь?

Она осторожно убрала руку и тихо сказала, но таким тоном, что у Варламова где-то внутри эхом раздалось:

– Люблю я тебя, Саша, – она почти неслышно вздохнула. – Вот сказала и вроде легче. А ты делай с этим моим признанием что хочешь, – повернулась к нему, – и не шучу я вовсе.

Правда, люблю.

– Интересно девки пляшут, – Сашка тихо рассмеялся, – вот так живешь на свете и не знаешь, что тебя любят.

– Теперь знаешь.

– И давно? Любишь меня давно?

– Не знаю, может, со школы. Но поняла сейчас, когда ты с Севера приехал.

Сашка снова обнял ее и притянул к себе. Она отстранилась:

– Я не поэтому тебе сказала. Что ты сразу лезешь?

– Ну ладно, пожалуйста, не буду лезть. Мы взрослые люди, я думал, раз любишь, так...

– А вот не так, – уже резко сказала девушка. – Раз я призналась, так думаешь, все можно?

– А если я женюсь на тебе? Ты как, не против?

Ольга встала со скамейки, посмотрела, не видно ли автобуса:

– Знаешь что, смеяться над моим признанием не надо, вздумал тут шутить. Женишься ты, держи карман шире.

– Ладно, Синицына, садись, подвезу, а то до ночи будешь тут стоять.

Жила Оля в частном доме. Здесь вообще частных домов было больше, а бетонные пятиэтажки «кучкой» стояли в центре.

– Спасибо, что подвез.

– Бывай, увидимся! – крикнул он, отъезжая.

Дома загнал мотоцикл в гараж, протопал по деревянным мосткам в жилую временку, где ночевал. Скинул верхнюю одежду и пошел в дом, где ждали его к ужину.

Сел к столу, склоняясь над тарелкой, стал с аппетитом есть.

– Куда ездил, сынок? – спросила мать.

– Да так, было дело, – он оторвался от еды, – женюсь я, мать.

– Ой, – Валентина стала поправлять ситцевый платок на голове, скорей от волнения, – на ком?

– Да ты, может, знаешь, отец тоже, наверное, их знает, учились мы вместе. Ольга Синицына. – Сашка перестал есть и ждал реакции матери.

– Коля! – Валентина позвала мужа. – Коля, иди сюда, хватит тебе смотреть телевизор, у нас сын женится!

– Чего? – Николай пришел на кухню, забыв снять очки. – На ком?

– Да ты знаешь их, это Петра и Людмилы Синицыных дочка. Светленькая такая девчонка, спокойная, скромная.

– А что, люди хорошие, – серьезно сказал отец.

– Здоровается всегда, уважительная такая, – Валентина начала перечислять известные положительные качества девушки, – только не пойму, когда вы решили, ты же приехал недавно.

Сашка смотрел то на отца, то на мать:

– Вы серьезно? Вам, правда, Ольга нравится?

– Нравится, – сказали родители, – да и пора тебе жениться.

Сашка сам не ожидал положительной реакции, не ожидал, что так быстро согласятся.

– А может, получше поискать? – шутливо задал вопрос сын.

– Шутить вздумал? – строго спросил отец. – Мы и впрямь поверили, уже обрадовались, да и девушка приличная – Ольга Сеницына. Кого еще искать? Она ведь наша, местная, считай, дома рожденная.

– Ой, сынок, пугаешь ты меня: то так скажешь, то так. Если сомневаешься, подумай, конечно... но, знаешь, в народе говорят: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Сашка расхохотался:

– Мама, ты поняла хоть, что сказала?! Синица в руках, ха-ха-ха... у нее же фамилия Сеницына.

Валентина, наконец, поняла, над чем смеется сын, и тоже засмеялась.

– Ну, вот и держи ее за хвост, – усмехнулся отец, – женись, мы только «за», сестра твоя тоже обрадуется.

Сашка сомкнул «замком» сильные руки, задумался.

– Надоело все, правда, возьму и женюсь.

– Так ты решил или нет?

– Я решил. Завтра к Ольге заеду и в загс позову.

– Не переживай, если Саня Варламов пообещал, значит,

женится, – могучую фигуру Сашки заметили родители Ольги, слегка отодвинув занавеску, они наблюдали за парой, сожалея, что не слышно, о чем говорят.

– Я ведь серьезно. Соглашайся.

– А ты хоть любишь меня? – спросила Оля.

– Раньше не знал, не любил, сейчас полюбил. Оля, я серьезно решил. Думай. В загс хоть завтра.

– Не хочу я завтра.

– А-а, ну я понял, сделаем свадьбу, кольца, платье, все как положено. Я ведь один раз женюсь. А ты?

– Что я? Сколько раз собираюсь замуж выходить? – спросила она. – Вообще-то тоже один раз. Ты же для меня единственный и любимый.

– Ну и все, договорились. Скажи родителям, я со своими уже переговорил, они обеими руками «за». Тебя, между прочим, знают, мечтают, чтобы женился на тебе.

– Правда? – девушка улыбнулась. – Ладно, поговорю, завтра скажу, как все прошло. Пока, – она хотела уйти.

– погоди. А поцеловаться? – он схватил ее за руку.

– Родители в окно смотрят, – Оля отдернула руку.

– Елки-палки, что ты за невеста такая пугливая? Я как школьник перед тобой, ну хоть в щечку один разок...

Ольга взяла за руку Сашку и отошла к воротам:

– Отсюда не видно, – прошептала она.

– Ой, мамочки, он меня замуж позвал, – Оля прижала ла-

дони к пылающим щекам, словно пыталась остудить их.

– Да кто он? – подружка Лена, впервые услышав новость, не могла понять, кого имеет в виду Оля.

– Сашка Варламов. В загс позвал.

– А ты?

– Согласилась. Но боюсь.

– А чего боишься, ты же говорила, что он тебе нравится.

– Не то слово «нравится», я ведь ему в любви призналась!

– Тоже мне, подружка, называется, мне ничего не сказала.

– Да это получилось совсем неожиданно. Сначала решила: пусть узнает. А он возьми и замуж позови.

– Сам себе на уме этот Варламов, то ни на кого не смотрит, то за приезжей ухлестывает... А она ручкой махнула и укатила. То вдруг тебе предлагает замуж. Слушай, – Лену словно осенило, – а может, он просто сделал свой выбор: решил на тебе жениться. Да и тебе давно пора. У меня уже сын растет, три года как с Виталькой поженились, а ты все одна.

– Все правильно, Лена, только замуж я выхожу не из-за того, что уже пора, а потому что люблю его... А там будь что будет.

Свадьба прошла размахисто, гуляли два дня, еще и третий день прихватили. Оля смущенно прикрывалась фатой, а Сашка вел себя уверенно, хвастался друзьям, что и он теперь «сдался», и плен этот ему, в общем-то, приятен.

Прошло три месяца. Сашка иной раз и хотел бы с друзья-

ми посидеть, но Ольга, каким-то только ей известным способом, легко могла отвлечь на другие дела. А вскоре появилось отдельное жилье, и они съехали от Сашкиных родителей. Это была двухкомнатная квартирка в том самом центре городка, где стояло несколько пятиэтажек.

Отвлекаться особо некогда. То они ремонт делают, то мебель покупают... а вскоре родилась дочка Настя, которой Сашка был очень рад. Он брал девочку, обхватывая своими сильными руками, словно «заворачивая» ими крохотный сверток, и с умилением смотрел на нее.

Жизнь шла как по накатанной дороге: ровно, без ухабов... Но через несколько лет Сашке стало как-то скучно. Он приходил домой, машинально мыл руки, переодевался, садился за стол, машинально ел, занимался с дочкой. Спросит что-нибудь, жена ответит. Если дело бытовое какое-то – обсудят вместе. Вроде и не спорят, всегда договариваются. Только от Ольги тепла больше. И слов ласковых говорит больше, а Сашка принимает их как само собой разумеющееся.

Насте исполнилось двенадцать. Светловолосая, шустрая девчонка – отрада для родителей.

– А я? Я тоже хочу на свадьбу к тете Наташе, – Настя смотрит на родителей, ожидая положительный ответ.

– Ненадолго, – соглашается отец, – загс, кафе, сразу после обеда домой, нечего среди взрослых крутиться.

– Там еще будут ребяташки.

– Настя, слышала, что отец сказал? Побудешь немного и

домой.

Девочка, надув губы, согласилась.

Свадьба была у дальних родственников Александра, он и сам не помнил, кто кем приходится, но раз пригласили, решил пойти.

Единственное в городке самое просторное кафе вместило гостей, хоть и пришлось немного ужаться. Некоторых приглашенных супруги Варламовы не знали.

Уже давно развеселившись, гости разбрелись по разным столам, разговаривая со знакомыми. Сашка сидел со своим напарником Игорем.

– Маленький у нас город, – сказал Игорь, – вместе работаем, вместе на свадьбе гуляем.

Сашка почти не слышал последних слов, его взгляд остановился на молодой стройной женщине с длинными каштановыми волосами.

– Да куда ты все смотришь? – спросил недовольно Игорь, поняв, что теряет собеседника.

– Да так, просто.

– Теперь понял, – догадался Игорь, – к Веронике «глазами приклеился».

Сашка сразу повернулся к собеседнику:

– Знаешь, что ли, ее?

– Ха, – Игорь откинулся на спинку стула, – еще бы, это же сеструха моя. Ну не родная, конечно, если посчитать, то троюродная, в общем, родня.

– Погоди, так Вероника приезжала к нам сюда лет тринадцать назад, я ее помню. Потом уехала резко, больше ее не видел. Не знал, что вы родственники.

– Да-а, мы родственники, – с гордостью сказал Игорь. – Красивая она, правда?

– Интересная девушка, – сдержанно ответил Сашка.

– Эх, как говорится: полюбить, так королеву!

– А что-то мужа ее не вижу...

– А-а-аа, зацепило тебя, – рассмеялся Игорь, – развелась, говорят, недавно. Так что такая красавица и пока одна. Мать у меня в курсе, говорит, поклонников у нее хватает.

Сашка отодвинул фужер, решив, что хватит, и на какой-то миг забыл про Олю, сидевшую со знакомыми. Он первым подошел к Веронике и пригласил на медленный танец.

– Ты меня вряд ли помнишь, – сказал он.

– Мы уже на «ты»?

– Имею право. Тринадцать лет назад танцевали с тобой в доме культуры, потом провожал тебя. Потом снова провожал. А потом ты уехала.

Она замедлила темп.

– Подожди, припоминаю, кажется, у тебя еще мотоцикл был, а зовут тебя...

– Александр, – сказал он. – Ты, кстати, почти не изменилась, такая же красивая.

Говорили по-дружески, но в этом дружеском разговоре появилась тонкая связующая нить – в краевом центре они

смогут встретиться и посидеть где-нибудь в кафе, поговорить о жизни.

Сашка забыл обо всем на свете, пока танцевал с ней. Он не замечал, как смотрит Ольга, тем более не знал, как беспокойно стало у нее на душе.

Домой возвращался веселым и довольным, а Ольга молчала, увидев мужа за все время их совместной жизни таким отрешенным от семьи.

Его поездки в краевой центр участились. Вместе с Игорем они возили стройматериалы в их маленький городишко. Незаметно Ольга отошла на второй план. Он меньше интересовался ее заботами, почти не вникал в них, меньше разговаривал и все больше был задумчив.

– Саша, что с тобой? – спрашивала жена. – Может, на работе неприятности? Так ты скажи, вместе справимся.

– Да все нормально, чего цепляешься? Что уж и помолчать нельзя?

Очередная поездка была для Александра многообещающей: Вероника впервые пригласила к себе домой.

Он договорился с Игорем, что поедут они в ночь, и попросил забрать его, позвонив на сотовый.

Вероника, элегантная, такая же изящная, с распущенными волосами, укрывавшими ее плечи, схватила Сашку за руку.

– Не могу привыкнуть: ты такой огромный, просто как медведь.

– Тебе не нравится?

– Да что ты, нравится! Слушай, тут накладка вышла, к друзьям надо зайти, обещала. Давай заглянем на часок, потом ко мне.

– Хорошо, как скажешь, – Сашка бы согласен на любые условия – королеве все можно.

В просторной трехкомнатной квартире было много народа. Он смутился, увидев нарядных дам и модно одетых мужчин, которые стояли группками и что-то обсуждали. Коснулся рукой своего свитера от смущения в непривычной обстановке.

– Да проходи ты, все нормально. Я тебя сейчас познакомлю: вон там мужчина стоит – это владелец автосалона, там нотариус – моя хорошая знакомая, а это известный у нас художник, ну а там девчонки, две сестры – у них салон-магазин модной одежды.

Вероника представила компании своего знакомого, Сашку тут же потянули к столу. Сама же она окунулась в общение с владельцем автосалона, шепнув Сашке, что решила обновить машину.

Он отошел к окну, присел на диван. Оттуда было видно многих, и он почувствовал себя не в своей тарелке, хотелось скорей уйти с Вероникой отсюда. Подошла одна из сестер, у которых модный магазин.

– Ой, вы такой... ну прямо огромный, выше всех из присутствующих. Скажите, Александр, кажется? Вы, наверное,

из деревни... Вероника любит у нас экзотику. А можно я с вами сфотографируюсь? Вы такой большой, а я такая крошка...

– Обезьянка я, что ли, фотаться со мной? – Сашка отодвинулся от девушки.

– Фу, как грубо, – она обиженно надула пухлые губки и отошла от него.

Он искал глазами Веронику, но она теперь разговаривала с художником. Поймал себя на мысли, что говорить ему в этой компании не о чем, захотелось скорей уйти.

– Подожди немного, скоро пойдем, – пообещала Вероника.

Но позвонил Игорь, напомнив, что надо ехать, иначе не успеют к утру, а у них договор.

– Давай хоть провожу, – разочарованно сказал Сашка, – а то нехорошо как-то, пришли ведь вместе.

– Тогда ты не успеешь, не переживай, я на такси уеду. У тебя же есть мой телефон, позвони в следующий раз, за мной долг: обещанный прием дома.

Ехал Сашка домой, мурлыча себе под нос: «Полюбить, так королеву...» Настроение, несмотря на «смазанное» расставание с Вероникой, было приподнятым. Даже утром, когда приехали, не хотелось спать. Домой Сашка явился после десяти. Открыл квартиру, вошел, не обратив внимания на перемены. Только потом заметил, что вещей жены нет, а Настиных – только часть из них.

Вспомнил, что сегодня суббота и Ольга должна быть дома. Но в квартире никого не было. Тут же набрал ее номер.

– Ушла я от тебя, Саша.

– Ты вообще в своем уме? С чего ради ушла? В чем причина? – закричал он.

– Надоело «слушать» твое молчание, ты уже давно мыслями не со мной.

Сашка бросил телефон, злость охватила его. «Как это можно, чтобы вот так без причины уйти? Даже не поговорила». Его злила сама ситуация, поступок Ольги...

Он забыл, что голоден. Не заглядывая в холодильник и не раздеваясь, вышел, закрыл квартиру и поехал к тестю с тещей. В конце концов, имеет право знать, что за блажь нашла на жену, да еще и дочку увела – впервые за все годы совместной жизни такой фортель выкинула.

Он завел свою Ладу последней модели и поехал в сторону дома Синицыных. Когда Саша вошел, громко хлопнув дверью в сенях, дочка сразу бросилась к нему:

– Папа! – он слегка наклонился, она обхватила его за шею.

– Чего не позвонила папке-то? – спросил он, не глядя на Ольгу. Она как раз вышла из спальни и смотрела на мужа.

Теща с тестем только развели руками, не понимая толком, что произошло между ними.

– Жили-жили и вдруг на тебе – развод, – бормотала Людмила, – может, поговорили бы, да и уладилось бы все.

Петр, уже весь седой, хмурился, предложил зятю присесть

за стол, а сам показал жене на дверь:

– Пойдем, мать, во времянку, дело есть. Настя, ты тоже пошли с нами, пусть родители поговорят.

Все вышли.

– Оля, это как понимать? Ничего не сказала, не позвонила... я с работы, а вас нет. Что на тебя нашло?

– Это на тебя нашло. Ты последний месяц весь в командировках. И не надо мне говорить, что для семьи стараешься деньги заработать. С той самой Наташкиной свадьбы тебя как подменили. Ты же со мной почти не разговариваешь, торопишься скорей из дома уехать, – Ольга отвернулась к окну, ему показалось, что она плачет. Но вновь повернувшись, увидел, что в глазах ни слезинки.

– погоди, давай разберемся, в чем ты меня обвиняешь, конкретно хочу знать, что тебя не устраивает.

– Нелюбовь твоя не устраивает. Все эти годы я старалась, очень старалась быть хорошей женой. Да в общем-то, мне и стараться не надо было, это все вот отсюда шло, – она показала на сердце, – думала, и ты любишь. Мне и слов-то от тебя не надо было, лишь бы чувствовать, что ты любишь...

– Вот же привередливая ты, Ольга! Люди смеяться будут, что ты от меня ушла, потому как причины нет.

– Ошибаешься, причина есть. Ездишь ты к своей «королевишне», с которой на свадьбе танцевал... Знаю я точно, проболтался твой Игорь сестре своей, а та Наташке рассказала... Ну а дальше, как водится, по цепочке до меня дошло.

– Да брось ты, сплетни это...

– Вот я и бросила. Тебя бросила. На развод подаю. Квартиру будем делить и все имущество. А пока у родителей с Настей проживем.

Александра, как будто дубинкой по спине огрели, от таких слов он даже немного ссутулился.

– Поверила, значит, Наташкам, Машкам разным, меня слушать не желаешь. Да я ни разу, никогда... Только ты у меня была... Дура ты, Оля, раз так поступаешь! Сиди тут, накручивай себе дальше, – он пошел к двери, остановился, уже взявшись за ручку, – и вот что, Настю не держи, хочет, пусть приходит, а сама, как знаешь.

– Не дождешься, чтобы я Настю удерживала, ты отец ей, так что обязанности отцовские с тебя никто не снимал.

В Сашкиных глазах появилась злость, ничего не сказав, он хлопнул дверью. Возле своего дома увидел мать, которая уже узнала, что Ольга ушла.

– Ну как же так, сынок? Не помню, чтобы ругались... и вдруг собрала вещи и ушла.

– Да пусть идет, мать, пусть разводится, – Сашка нервно открыл квартиру, – раз ума нет, думает, проживет без меня.

– Дочка же у вас, жалко же внучку.

– Дочка пусть приходит в любое время, Насте я всегда рад. Валентина, так и не дознавшись причины, ушла домой.

– Ты, сынок, заезжай к нам, пообедаешь, а то голодом, по-ди, сидишь.

Есть Сашке не хотелось. Он вдруг почувствовал навалившуюся усталость – сказывалась ночная дорога – и он, раздевшись, завалился спать.

Проснулся уже вечером, сразу не понял, что случилось. Показалось, кто-то стукнул на кухне по окну, потом понял, что это поднялся ветер. Прислушался: в квартире было тихо, телефон тоже молчал. Он вспомнил о происшедшем, и на душе стало тяжело. Впервые за столько лет остался Александр в квартире один. И вроде нет в этом ничего страшного, а как-то непривычно.

В квартире было все как и прежде, все вещи на местах, но чего-то не хватало. Вот Настин уголок, где она делала уроки, вот те же самые шторы на кухне – вспомнил, как Ольга показывала их ему и спрашивала: «Тебе нравится?»

Шторы как шторы, а она почему-то всегда интересовалась, понравится ли та или другая вещь мужу. Сашка давно ей доверял, с ее легкой руки дома было уютно. Он машинально подошел к холодильнику, вспомнив, что ничего из продуктов не купил. Открыл и, к своему удивлению, увидел продукты, в небольшой кастрюле были щи, которые Саша так же машинально подогрел. Он не знал, откуда они там взялись, может, Ольга сварила, да потом резко надумала уйти от него. А может... неужели специально оставила... От этих мыслей стало почему-то легче.

Зазвонил телефон. Это была Вероника. Сашка только сейчас вспомнил о ней.

– Слушай, подскажи, я вот решила машину поменять, – она назвала марку понравившегося автомобиля, – как думаешь, хорошая модель?

Сашке этот вопрос как снег на голову, да и не ездил он на иномарках.

– Даже не знаю, что тебе посоветовать, у меня отечественная. Но вообще говорят, что хорошая машина.

– Понятно. Разберусь. Ты когда к нам из своей провинции выберешься?

Сашка потер лоб, будто это поможет думать быстрее.

– Не знаю, пока не поеду, дела есть.

– Ну смотри, как надумаешь, позвони мне.

Он отодвинул телефон, вспомнив Веронику, – легкую, игривую, стройную. Но почему-то не испытал тех чувств, которые испытывал перед каждой поездкой. Вроде бы вот – все доступно, звони и договаривайся. И никто не спросит, куда поехал, – Ольги нет дома. Но Александру почему-то не хотелось звонить. Он и сам не понимал в этот момент, чего ему хочется.

Так прошла неделя. Сашка взял небольшой отпуск, твердо решив, что с Игорем больше не будет работать. Почти все время был у родителей, помогая отцу ремонтировать баню. Потом возвращался в свою пустую квартиру. Когда звонила Настя, приходил раньше.

Постепенно злость на Ольгу прошла, и он чаще стал задумываться о том, что жена, возможно, права, были у нее ос-

нования обидеться, высказать все. Но зачем на развод сразу подавать? Этого Сашка не понимал.

«Может, еще не подала», – подумал он и в субботу поехал к Синицыным.

Ольга снимала во дворе белье, рядом никого не было. Она даже испугалась – так тихо он подъехал.

– Я это, не пугайся, – взялся за бельевую веревку обеими руками, – давай поговорим.

– А что изменится?

– Ну, хотя бы ты будешь знать. Я ведь, Оля, не изменял тебе. Но, если честно, виделся с ней в городе, просто виделся. Нашло на меня что-то... но так получилось, думаю, к лучшему... Не изменял. Вот как хочешь думай, не изменял.

– Ну да, и меня не замечал, как будто не жена тебе, а обуза какая-то.

– Пойдем за ограду, присядем, чего мы тут возле простыней стоим.

Они вышли, сели на скамейку. Сашка, как никогда, был серьезен. С таким серьезным лицом он даже в загсе не был, когда поженились. Он и предложение сделал ей играючи, как будто на прогулку пригласил, и жил потом по инерции. И только сейчас понял, что именно такая жена, как Ольга, всегда была ему нужна. Она знала все его привычки, знала, когда промолчать, понимая даже его взгляд, даже его молчание.

– Я тебе не рассказывал никогда, просто забыл этот слу-

чай из детства. А сейчас вспомнил, вот в эти дни вспомнил. Пацанами были, по возрасту как Настя сейчас. Пошли весной на речку. А там ледоход. Дурачились возле берега, на лед выскакивали, потом обратно на берег. Ну, я отбежал чуть дальше, а льдину оторвало и медленно так стало относить от берега. У пацанов глаза испуганные, кричат: «Прыгай!» А я как скованный стою, растерялся. А льдину относит. Берег отдаляется. Чувствую, что мне к берегу надо, а как – не пойму. Смотрю, рядом еще льдины, вроде крепкие. Я решился и прыгнул, потом на другую, они качаются, еле на ногах устоял, но до берега добрался. Просто успел. А так бы унесло. Так вот, Оля, сейчас у меня что-то похожее, как в детстве, на льдине: знаю, что к берегу надо, стараюсь добраться... но пока еще не на берегу.

Ольга всхлипнула:

– Да уж, сильно ты гребешь к своему берегу, последний месяц из дома старался удрать.

– Ну ты же видишь, я дома, я никуда не хочу, мне лишь бы вы с Настей всегда рядом были, – он наклонился к ней, – ты только не плачь, а то сейчас выйдут тесть с тещей и скажут, что до слез довел. А разве было такое, чтобы ты плакала?

– Было, недавно было, просто ты не замечал.

– Ну прости, Олюшка, чурбана такого. Иди сюда, я согрею, скамейка холодная, – он легко усадил ее к себе на колени, как маленькую.

– Ты чего? Отпусти! – она возмущалась, упиралась, но вы-

рваться из сильных Сашкиных рук было невозможно. Так и застала их Настя.

– Ой, папа, ты маму, как маленькую, держишь.

– Отпусти, ребенка постесняйся, – упрашивала Ольга.

– Так я и ребенка могу взять, мне не тяжело. Настя, иди к нам, – девочка подбежала.

– Мам, а я к тебе на колени, смотри, как здорово, – Настя попыталась сесть на колени к Ольге. Сашка смеялся, обнимая обеих.

Вышла теща, всплеснула руками:

– Да упадете же все! Чисто как дети!

Наконец Настя встала, за ней Ольга, поднялся и Сашка.

– А что, бабушка, смешно же было? – веселилась Настя.

– Да ну вас, – махнула рукой Людмила, – делать вам нечего, пойдемте лучше обедать.

– Ну, вы идите, – сказал Сашка, – а я домой, слышь, Оля, подумай...

Настя перестала смеяться, с недетской тоской смотрела то на отца, то на мать.

– Пойдем с нами, мы пирожки испекли, – предложила Ольга.

– Пойдем, зять мой дорогой, – теща потянула его за рукав, – вы там с Олей, не знаю, как сладите, а мне ты всегда будешь хорошим зятем.

Веронике Сашка больше не звонил, удалил номер, не чув-

ствуя никакого сожаления. Она позвонила сама, равнодушно выслушала его отказ встречаться с ней. Стала рассказывать что-то смешное, совершенно без обиды. Сашка пожелал ей счастья и попрощался. Ушел с работы, решил сам продавать стройматериалы, наняв водителя для их доставки.

Ольга с Настей вскоре вернулись домой. В выходной утром поехали в краевой центр, наконец-то сбылась мечта Насти сходить в зоопарк. Ночевать остались в городе, сняв на сутки квартиру.

В воскресенье вечером вернулись домой. Сашка кивнул на остановку, которую администрация городка решила снести, а на том месте поставить новую.

– Скоро не будет нашей остановки, построят другую, – сказал Сашка. – Помнишь, как сидела тут, а я подъехал?

– Я все помню, Саша. И помню, что первая призналась тебе.

Он остановился. Посмотрел на нее.

– Давай выйдем.

– Ну зачем? Поехали домой!

– На минуту.

– Учти, – рассмеялась Оля, – повтора не будет.

– И не надо. Сейчас моя очередь, – они присели на деревянную скамью. – Кажется, я тебе тогда не ответил, – Сашка вздохнул, – елки-палки, как там говорят, сентиментальный, что ли, стал... Девушка Оля, я тебя очень люблю.

Ольга едва сдерживала смех.

– Ну перестань, я серьезно, – Сашка заглянул ей в лицо, – Оля, ну правда, люблю.

– Ой, ну как вы надоели со своей любовью, – сказала Настя нарочито ворчливым голосом, высунувшись из машины, – поехали уже домой.

– Ты как с родителями разговариваешь? А? Ребенок? – в голосе Александра хоть и были строгие нотки, но все же больше мягкости.

– Едем, Настя, – сказала Ольга, – закрывай дверь, а то простудишься.

– Похоже, нам надо трехкомнатную квартиру, – шепнул муж, – ребенок давно вырос. Или дом.

– Ага, это надо обдумать.

Автомобиль тронулся, поехав в сторону центра и оставив старенькую остановку, которая «удостоилась чести» быть местом признания в любви двух хороших людей. Правда, они не сразу поняли, что оба хорошие. Главное, если оторвался, то надо изо всех сил грести к берегу. К своему берегу, на котором крепко стоишь на ногах.

Невестка

– Как это неожиданно, сынок! – Маргарита Всеволодовна прижала руки к груди, жалостливо глядя на сына. – Помнится, у тебя никого не было, откуда же взялась эта Света? И зачем так скоропалительно ехать?

– Так, я не понял, – вмешался в разговор Аркадий Борисович, – мы что, сватать едем или это только знакомство?

– Знакомство, папа, знакомство.

– Ну, слава Богу, а то я уж думал, ты женился без нас. Поближе-то не мог невесту найти? Какой-то занюханный поселок за двести километров, ты бы еще на хуторе искал.

Всю дорогу Аркадий Борисович выглядел как надутый индюк. Неожиданно всплывшая невеста, о которой он услышал только на днях от сына Дмитрия, не давала ему покоя. «Ладно, – решил он, – посмотрим, что там за краля. Пусть деревенская, зато красotka, наверное, сынок-то у нас красавчик».

На пороге частного дома, под собачий лай и пение деревенских петухов, стояла женщина в светлом переднике, за спиной у нее прятался мальчишка лет десяти.

– Проходите, гости дорогие, – смущенно сказала она.

В это время показалась и предполагаемая невеста. Аркадий Борисович взглянул на нее и обомлел: красотой девица явно была обделена. Скуластая – первое, что бросилось ему

в глаза. Да и нос желательно бы поменьше.

– Знакомьтесь, это моя Светлана, – гордо заявил Димка.

Маргарита Всеволодовна пыталась изобразить улыбку, которая на ее лице то появлялась, то внезапно гасла, как лампочка в подъезде.

Сели за стол. Дима со Светой смущенно переглядывались, Светина мать то привстанет, то присядет, думая, все ли поставила на стол.

Аркадий Борисович закашлялся.

– Выйти бы надо, – сказал он, – сынок, пойдем вместе, мы ненадолго.

Маргарита тоскливо взглянула на мужа и сына, Светина мать Людмила посмотрела понимающе:

– У нас там во дворе дощечка шатается, так вы уж осторожней.

– Ты куда нас привез? – зашипел на Димку Аркадий Борисович. – Это что за уродина рыжая? Она же страшная, как атомная война.

– Папа, полегче, Света – моя невеста. И с чего ты взял, что она... несимпатичная? Света – умная, добрая, понимающая девушка. Да, внешность у нее своеобразная, но мне нравится.

– Димка, в кого ты такой дурень уродился? Мы тебе с матерью все дали: в лучшей школе учился, образование высшее получил, невесту я тебе нашел – самую красивую девушку в городе. А ты решил на жабе жениться?

– С Вероникой мне неинтересно, она как с обложки журнала, и вообще с ней даже общаться страшно, не то что прикоснуться. Лучше пойдем в дом, а то неудобно как-то.

– Неудобно ему, – передразнил Аркадий Борисович, – ты мать пожалей, на ней лица нет, она вздохнуть не может.

– Ой, а может, капусточки? – суетилась Людмила, угождая городским гостям.

Света с Димкой так же смущенно переглядывались.

– Ну, спасибо за угощение, – сказал примерно через час Аркадий Борисович, покосившись на бутыль, – не будь за рулем, явно бы вмазал с горя. Пора нам.

– Ой, а куда же вы так рано? И не посидели вовсе, и не поговорили, – запричитала Людмила.

– Работа, спешить надо.

– Папа, завтра же выходной.

– Выходной – да не мой, на объект ехать надо. Собирайся, сынок.

– Спасибо, спасибо за прием, за угощение, – растерянно сказала Маргарита.

В машину Димку почти втащили – никак не мог со Светой расстаться. Газанув, Аркадий Борисович, едва сдерживаясь, съязвил:

– Что, сынок, решил в этой глухомани остаться?

– Нет, мы со Светой в городе собираемся жить.

– Они со Светой?! Мать честная! Да где у тебя глаза были, когда ты ее первый раз увидел? Вот скажи мне, ну чем она

тебя охмурила?

– Да ничем, просто она хорошая и красивая!

– Сынок, она не нашего круга, – взмолилась Марго, – одумайся, еще ведь не поздно.

Димка, насупившись, отвернулся к окну. Характерец у него был слабоватый в плане хваткости в работе, как у отца. Но упрямства не занимать.

Дома, когда Димка ушел к себе в комнату, Аркадий Борисович расхаживал из угла в угол с видом коршуна. Потом остановился и спросил жену:

– Вот скажи, Марго, в кого он такой? Чем эта простолюдинка, эта голодранка, у которой ничего нет, могла так охмурить его? У него же вообще никого не было, – Аркадий приблизился к жене и шепотом спросил, – а по этой части... ну ты понимаешь, у него все в порядке?

Маргарита гневно взглянула на мужа:

– Ты у меня спрашиваешь? Такие вещи отец с сыном должны обсуждать!

– Ага! Обсуди с ним! Вечно как шкатулка на замке, а ключик не подберешь.

Аркадий снова начал ходить по комнате.

– Надо переговорить с Алевтиной, пусть Веронику построит, в конце концов, Вероника – отличная девушка для Димки. Надо только его вразумить.

Аркадий Борисович не успел еще толком продумать план «изгнания» деревенщины Светки из сердца своего сына, как

через три дня на пороге стояла Света с чемоданом, прячась за спину Димки. Правда, спина у него была неширокая, так что не очень-то спрячешься.

– В общежитии ремонт, – Света будет у нас жить.

– Как это жить? А ты у нас спросил? – заложив руки за спину, задал вопрос прямо в лоб хозяин квартиры.

– Вот я и спрашиваю, и сообщаю сразу, что моя невеста будет жить у нас. Мы же ездили, знакомились, так что Свету вы знаете.

Маргарита Всеволодовна окинула взглядом трехкомнатную квартиру, в которой каждый уголок был родным, и, представив в ней чужого человека, сникла, как трава после первого мороза.

– Но хочет ли Света у нас жить? – вдруг мудро заметила она.

– Дим, и правда, может, я на квартире с девчонками поживу пока? Не хочу никого стеснять.

– У меня лучше вариант, – взглянув на родителей, сказал Димка, – мы вместе квартиру снимем и будем жить отдельно.

Маргарита сразу кинулась к обоим:

– Зачем же на пороге стоять, проходите, сейчас ужинать будем.

После ужина Маргарита Всеволодовна постелила Димке в зале, а Свету отправила в Димкину комнату.

– Пусть тут переночует, а потом подумаем, как быть.

Увидев в прихожей Светины сапоги сорокового размера,

Марго тяжело вздохнула.

Аркадий Борисович приехал на работу не в добром расположении духа. Вошел в свой директорский кабинет и сразу вызвал Алевтину Олеговну.

Алевтина была давней знакомой его семьи. И еще два года назад вместе с мужем приходила в гости к Маргарите и Аркадию на все праздники. Но муж внезапно умер, и Алевтина осталась вдвоем с красавицей дочерью. Аркадий Борисович решил пристроить «бедную» вдову в свою контору.

– Присаживайся, Аля, – пригласил он, – похоже, не придется нам породниться. А жаль, какая была бы пара: мой Димка и твоя Вероника.

– А что так? – спросила она. – Вероника у меня девочка воспитанная, натура тонкая, уж она бы смогла с Димой договориться.

– С ним только пугало огородное может договориться, – поправив галстук, сказал директор, – это же стена, хоть лбом расшибись, на своем стоит. Представляешь, приволок эту девку к нам домой, живет теперь.

– Какой ужас! Аркадий, я так тебя понимаю, – она положила ладонь на его руку.

Аркадий заерзал в кресле, потом взял Алевтину за руку, любясь ее «отутюженным» личиком, – умела она за собой ухаживать, в этом ей не откажешь.

– Всегда завидовал Сашке: жена ему досталась – хоть на подиум выставляй.

– На выставку, – засмеялась Аля, – ты хотел сказать на выставку.

– Хотя на выставку, хоть на подиум, все одна красавица.

Приехав вечером домой, он с порога крикнул:

– Ну что, не съехала еще жиличка наша?

– Тише, – выбежала ему навстречу Марго, – Света к диплому готовится, Дима ей помогает.

– Диме, этому барану упрямому, давно надо ко мне устроиться, звал ведь его. Так нет же, все сам да сам, сидит теперь на копейках.

Аркадий с недовольным видом сел за стол, несмотря на недовольство, аппетит у него был отменным. Но сама ситуация раздражала, даже Марго, с которой они почти четверть века прожили, не вызвала положительных эмоций. Он вдруг вспомнил грациозную Алевтину, и где-то под ложечкой засосало от приятного волнения.

– Ты знаешь, вообще-то она умная, на красный диплом идет, – сказала Марго, как будто оправдывая пребывание Светы в их квартире.

– Мне на ее диплом начхать, я без красных корочек окончил институт и вот уже десять лет в директорском кресле, – допив чай, сказал Аркадий и, ни слова больше не говоря, ушел в спальню.

Через неделю события развернулись на сто восемьдесят градусов. Аркадий Борисович, которого дома раздражало буквально все: начиная от домочадцев и заканчивая вещами,

вдруг заявил Марго, что уходит от нее.

– Нам надо пожить врозь, – сказал он, отведя глаза в сторону, – устал я, Рита, на работе суеты много, дома все перед глазами мелькают.

– Аркаша, у тебя что, женщина появилась? – испуганно спросила Маргарита.

– Ну при чем тут женщина? Говорю, порознь нам надо побыть. Я даже вещи не забираю, вот только чемодан и все.

Маргарита скрестила руки на груди и с невыносимой тоской посмотрела на Аркадия:

– Аркаша, как же так, ты хоть объясни, что происходит, ты же муж мой, а я твоя жена.

– Слушай, перестань, в печенках ты уже у меня. И утром, и вечером только и слышу твое хныканье, то с Димкой нянчишься, то за мной по пятам ходишь. Устал! Понимаешь?! – закричал вдруг Аркадий. – Да! К женщине уйду! Сейчас же!

– Понятно, вот кого охмурили, не сына нашего, а тебя. Вот это фортель ты выкинул! И как мне с этим жить?

Марго сидела на кухне, а Света отсчитывала капельки вальерьянки. На пороге появился Димка:

– Почти догнал, но отец оттолкнул меня и уехал.

– Может, это из-за меня? – с дрожью в голосе спросила Света.

Марго взглянула на нее и увидела неподдельное смущение и неловкость на лице девушки.

Вечера стали особенно тягостными для Марго, и только Димка со Светой спасали ее от тоски и разрывающей душу обиды.

Лифт не работал, и Маргарите пришлось подниматься на шестой этаж. Дверь открыла Алевтина. Светлые кудри игриво падали на лоб, легкое платье сидело на ней как влитое.

– Какие гости! – распахнув дверь шире, сказала она. – Поговорить со мной или морду набить? – спросила хозяйка. – Ах, наверное, к совести призвать. Эй, совесть, ты где? – с присущим ей цинизмом сказала она в глаза Маргарите.

Марго не ответила и даже не произнесла ни слова. Не спеша открыла сумочку и достала небольшой пакет.

– Пост сдал, пост принял, – сказала она Алевтине, у которой улыбка стерлась с лица, как мел со школьной доски, когда по нему проводят тряпкой.

– Бери! – Марго почти насильно сунула ей в руки пакет. – Таблетки здесь, ему лекарства от сердца каждый день надо принимать. Сам он этого делать не будет, надо каждый день напоминать утром и вечером, а лучше со стаканом воды подносить.

Алевтина растерянно посмотрела на пакет.

– И рецепт там тоже есть, – сказала Марго. – Если хочешь с ним дольше пожить, следи, чтобы вовремя лекарства принимал, – и она стала спускаться по лестнице.

Алевтина еще пыталась что-то сказать, но Марго махнула рукой, не желая ничего слушать.

– И ты в этом «наряде» собралась на защиту диплома? – спросила Марго, увидев мешковатую серую юбку и пиджачок с короткими рукавами.

– Другого нет, мне главное сейчас знания, диплом, а деньги – дело наживное, – бодро ответила Света.

– И как же ты их наживать собралась, деньги-то?

– Работать надо, крутиться, у меня дед зажиточным был, всю жизнь на себя работал. Но его раскулачили. А я хваткая, в деда – мама говорила.

Светка поправила свои золотистые волосы, скрепив их заколкой.

– А вот внешне я на папку похожа, жаль, не дожил он, – взгляд у Светки сделался грустным, – осиротели мы рано. А был он таким умным, таким работающим...

– Так, Светлана, вижу тебе от родственников много чего досталось, – она окинула девушку взглядом, – пусть и от меня достанется. Пойдем!

В магазине Света долго упиралась, отказываясь примерить костюм цвета морской волны. Но надев, снимать уже не захотела.

– Я отработаю, тетя Рита, обязательно отработаю.

Марго посмотрела на ее почти бесцветное лицо.

– Ну, а теперь давай немного резкость наведем.

Марго часа два ждала Свету у входа в институт, и когда та вышла с улыбкой, которая никак не хотела сходиться с ее

лица, то Маргарита невольно залюбовалась.

Не сказать, что Светка была хорошенькой, но статная фигура в новом костюме стала заметной. Лицо было симпатичным не столько от минимума косметики, сколько от восторженной улыбки.

– Сдала! – крикнула она. – Тетя Рита, теперь мы с Димкой фирму свою откроем.

– Какую фирму? Димке надо к отцу на работу устраиваться, он толком ничего заработать не может.

– А вместе сможем! Зря я, что ли, в политехническом училась? Я теперь тоже строитель, как и Дима, как Аркадий Борисович и как вы. И вы, тетя Рита, нам поможете! Вы же всю жизнь в проектной работаете, а нам проектировщик позарез будет нужен.

Марго стояла ошеломленная от невероятной прыти будущей невестки. Разница между блеклой девушкой, которая пришла к ним с чемоданом, и сегодняшней Светой, выпускницей политехнического с красным дипломом в руках, была разительной.

– Проклятая перестройка, – первое, что сказал Аркадий Борисович, появившись на пороге квартиры, – здравствуй, Рита. Не ожидала? Ну, бросай в меня тапками, я все выдержу.

– Ты за остальными вещами?

– Если прогонишь, то за вещами, а если нет, то буду про-

ситель прощения.

– Может, сначала прощение, а потом все остальное? – спросила Марго.

– Ты представляешь, наше строительное управление обанкротилось, должники не платят, и мы никому заплатить не можем. Я уже не директор, я вообще без работы. Алевтина попросила, чтобы я разменял квартиру. Но я сказал, что оставил ее жене и сыну. Так что не такая уж я конченная сволочь.

Марго равнодушно посмотрела на Аркадия, который топтался в прихожей.

– Что? Кто там без работы? – спросила Светка, услышав разговор.

– Ой, Аркадий Борисович, здравствуйте, – как ни в чем не бывало поздоровалась она, – нам сейчас с Димой ваш строительный и руководящий опыт очень нужен. Мы ведь коттеджами решили заняться, ссуду взяли, будем строить на продажу. Уже два участка есть.

Аркадий перевел взгляд на Марго.

– Да, Аркадий, пока ты там банкротился, дети свое дело решили открыть, а я им проектами помогаю. Так что смотри, чем ты сможешь помочь.

Аркадий смахнул испарину со лба.

– Ну вы, братцы, отчаянные, сейчас такая кутерьма с этой перестройкой, а вы за такое дело...

– Так вот и надо начинать прямо сейчас. Мы же все с вами

строители, а вы, Аркадий Борисович, еще и руководитель с опытом.

– О! Отец вернулся! – обрадованно сказал Димка. – А мы так и знали, что у нас семейное дело будет.

Марго постелила Аркадию в зале.

– Мне завтра уйти? – заискивающе спросил он у Маргариты.

– Как хочешь. Можешь остаться, но понимать должен, что я тебе не уют – за минуту не нагреваюсь. Так что мнение свое о тебе поменять мне не скоро придется. В общем, заслужить еще надо мое расположение, я тебя не простила...

– Понимаю, Рита, понимаю. Я вот Свету эту деревенскую узнать не могу, – другая какая-то стала.

– Счастливая она стала, и Димка с ней счастливый. И вообще спасибо Светке, что жила у нас тогда, слезы мои вытирала. А уж какая она толковая, так это ты сам убедишься, когда вместе поработаете.

– Да-а, оказывается, наш с тобой сын, Рита, умнее нас, по крайней мере, умнее меня – это точно.

– Ладно, ложись спать, – сказала Марго устало. Потом остановилась и спросила, – таблетки принимал?

Он махнул рукой:

– Забываю.

– Ладно, завтра схожу с рецептом в аптеку, – пообещала она, и Аркадий одарил ее благодарной улыбкой. – Только не обольщайся, я мириться с тобой не собираюсь, а то еще ка-

кой-нибудь фортель выкинешь.

– Подожди, Рита, – окликнул он, – неужто уже расписались Димка со Светой? А я ничего и не знаю.

– Не расписались, надо сначала невесту посватать.

– Так это я хоть завтра, подумаешь, двести километров, сядем на машину да поедем. И ты, Риточка, прости меня, дурака заблудшего, не хочу тебя терять...

Собачий лай снова разносился по деревне, когда гости вошли в дом.

– Спасибо вам, Людмила, за дочку, – начал первый тост Аркадий Борисович, – умница она у вас, старательная, золотая у нее голова!

– И руки золотые, – добавила Маргарита, – готовит не хуже меня, а иногда и лучше, так что за сына я спокойна.

Людмила благодарно улыбнулась в ответ и тихо сказала:

– А я и не сомневалась в ней, знала, что пробьется в жизни. И вам, сваты будущие, хочу спасибо за сына вашего сказать. За то, что разглядел он мою дочку, любить его буду как родного.

За окном смеркалось, а в небольшом домике, за круглым столом, велись нескончаемые разговоры о будущей свадьбе. Только теперь не Димка со Светой смущенно переглядывались, а Аркадий с Маргаритой, как будто все у них начиналось сначала. И, судя по взглядам, все сланилось.

Дохлик

– Что, не ждали? Да-а-а, я люблю сюрпризом, такая у вас внезапная мама. Как ревизор – раз, и приехала.

– Так вы бы сказали когда, я бы встретил, – Игорь немного растерялся, пропуская тещу в квартиру.

– А где доча?

– Так на работе, будни же.

– А ты почему дома? – она стала жадно осматривать квартиру, которую видела впервые. Две тысячи километров на поезде проехала, чтобы дочку навестить (полгода как замуж вышла).

– Галина Альбертовна, вы обувь-то снимайте, полы недавно помыл...

Теща подала пальто, скинула сапоги, спрятав ухмылку: «Ишь, ты, злопамятный какой, не забыл, как я его дома у себя муштровала, припомнил мне... дохлик».

«Дохликом» она назвала его, когда дочка привела домой знакомить. «И где ты такого дохлика нашла?» – спросила тогда. «Ну, мама... ты что? Вовсе не дохлик. И вообще, я его люблю». Вот этим самым «люблю» Кира обезоружила мать. Галина Альбертовна уже двух дочек замуж выдала, осталась младшенькая. Растила одна, муж покинул этот мир, когда Кира была совсем крохой. Оттого и жалела ее больше всех. А тут какой-то невзрачный Игорь появился, да еще из дру-

того города.

– Ну, так чего дома-то? Посменно, что ли, работаешь? А? Игорек? – Галина Альбертовна решила докопаться до истины.

– Так я не работаю сейчас, компанию нашу закрыли, занимаюсь тут... дома... по хозяйству, короче...

Галина Альбертовна «приземлилась» на диванчик в зале:

– Ой, мама моя дорогая, это что же получается? Доча моя на работе, а зятек дома сидит... Ну, точно, мир перевернулся. Она же беременная, детка моя...

– Да не волнуйтесь вы, это временно, мы так решили... Она через два месяца в декрет идет, я это время дома побуду, а потом устроюсь, логисты часто требуются...

Галина Альбертовна схватилась за сердце.

– Плохо вам? Может, скорую?

– Себе лучше вызови скорую, зятек... Свалился на мою голову и на дочкины плечи...

– Ну, если вам уже лучше, руки можно в ванной помыть... вы же с дороги.

– Ишь, ты, зараза чистая, – прошептала она и пошла ванную. Пока мыла руки, засмотрелась на новенькую плитку.

– Недавно, что ли, ремонт делали?

– Ну так квартира-то у нас новая, хоть и небольшая, разумеется, ремонт сразу.

– Ванная, как игрушка, видно, мастера хорошие делали. А мне достались залипушники несчастные, глаза бы мои не

смотрели, — она оглядывала ровные межплиточные швы с завистью. — И плитка красивая.

— Галина Альбертовна, вы же с поезда, пойдемте обедать.

Осмотрев кухню, отметила аккуратно расставленные чашки, Игорь в это время поставил перед ней тарелку с рассольником, на сковороде ждали своей очереди котлеты. Ковырнув вилкой салат, она попробовала, пожевала и начала с аппетитом есть.

— И рассольник вкусный, молодец, Кира, еще и готовить успевает. Видишь, какая жена тебе досталась, Игорек, и работает, и обеды готовит!

— Так это... вообще-то я обед готовил, я сейчас готовлю, дома же...

Теща перестала есть, восхищение на ее лице рассеялось, как утренний туман.

— Хочешь сказать, все сам?

— Сам. А что такого? Я умею, — он собрал грязную посуду. — Вы отдыхайте, а мне скоро за Кирой ехать, я ее с работы встречаю.

— Ну-ну, встречай, хоть какая-то с тебя польза, — она проводила его взглядом и шепнула вслед, — дохлик.

Кира появилась на пороге со счастливой улыбкой:

— Mamочка, ну что же ты молчала? Сказала, что приедешь, а когда — не сообщила. Мы бы встретили.

— Ничего, лапуса, ты же знаешь, я не пропаду, доберусь. Мне таксист вон по щелчку сумку на пятый этаж поднял...

– Не сомневаюсь, – тихо сказал Игорь, скромно стоявший за спиной тещи.

– Дай я тебя поцелую, детка, работаешь тут за двоих, – она обняла дочку, даже всплакнула.

– Ну ты чего, мам? Все же хорошо.

– Жалко мне тебя, доча, была бы рядом с мамой, в обиду бы тебя не дала.

– Да никто меня не обижает, мы прекрасно живем.

Игорь помог Кире раздеться.

– Я тебе твой любимый салат сделал, и котлеты там, а фрукты еще утром купил.

После ужина Игорь засобирался.

– Ну ладно, поехал я, не скучайте тут, – он поцеловал жену и с трудом улыбнулся теще.

– А ты куда это? Вечер на дворе.

– Таксовать. Подрабатываю немного.

– Да, мама, у Игоря договор с такси, работает временно.

– Доча, ванная у вас, как игрушка, вот же постарался мастер. Дорого взял?

– Нисколько не взял. Ванную Игорь отделявал.

– Какой Игорь? – Галина Альбертовна не сразу поняла. – Этот, что ли, дохлик?

– Ну, мама... ты при Игоре так не скажи, обидно же... И вовсе он не дохлик, он, между прочим, в тренажерный зал ходит...

– Нормально, он в тренажерный зал, а ты на работу...

– Мам, мы вместе так решили. Он мог бы устроиться, но там зарплата не очень. Есть одно отличное место, но туда готовы взять только через два месяца. Так уж лучше дожидаться, чем устраиваться куда попало.

– Ох, заступница... Так я и не поняла, кто ванную делал...

– Говорю же, Игорь! Все сам! Посмотрел как в интернете и сам справился, очень старался...

– Вот, что интернет всемогущий делает, – Галина Альбертовна уважительно взглянула на ноутбук. Кира улыбнулась.

Весь вечер сидели на диване и болтали. Потом Кира легла в спальне, а Галина Альбертовна, почувствовав, наконец, усталость, легла в зале. Ближе к полуночи пришел Игорь. Стараясь не шуметь, умылся и тихо лег спать. Утром Галина Альбертовна, услышав, как шумит чайник, обрадовалась и пошла на кухню поздороваться с Кирой. Но застала Игоря. Он уже успел приготовить запеканку.

– Кира, завтрак готов, – позвал жену. – Галина Альбертовна, и вы присаживайтесь, завтракать будем, – Кир, там наличка в кармане, если что.

– Ага, поняла, возьму. Как вчера?

– Нормально, я бы сказал отлично, полно заказов было, – Игорь выглядел довольным, но уставшим, явно не выспавшись. – Тебе во сколько сегодня в поликлинику?

– После обеда.

– Ну, так я подъеду, свожу тебя.

Теща пропускала через себя разговор молодых, отпивая

чай. Кира ушла. Игорь собрал посуду, достал курицу.

– Чего собрался делать? – спросила Галина Альбертовна.

– Суп с курицей варить.

Теща поднялась, подошла ближе, взглянула на зятя.

– Ну вот что, Игорек, шел бы ты лучше... спать.

Игорь онемел на несколько секунд от предложения.

– Ну чего смотришь? Не бойся, не убежит от меня твоя курица, – она кивнула на тушку, – сама сварю суп. С вермишелью, поди, хотел?

– Ну да, – так же растерянно ответил зять.

– Где она у вас тут? Ты мне экскурсию проведи по кухне, чтобы я знала... а сам спать иди. Баранку до полночи крутил, да встал рано, отдохни до обеда.

– Галина Альбертовна, спасибо, конечно, но вы в гостях...

– Вот не надо мне напоминать, что я в гостях! Иди лучше в спальню, а я обед приготавлию. Как говорится, пост сдал, пост принял... пока я тут.

Игорь послушно оправился спать.

Встал, когда вкусный аромат разносился по квартире и стол был уже накрыт.

Через неделю Галина Альбертовна уехала домой, шепнув перед отъездом дочери:

– А этот твой дохлик ничего, рукастый...

– Ну, мама, – обиженно сказала дочь.

– Ладно, ладно, это я так... я хотела сказать Игорь твой.

Оставшись наедине, Игорь и Кира сели на диван и обня-

лись.

– Ну, так-то Галина Альбертовна ничего теща, заботливая, – признался он, – правда, иногда «дохликом» меня называла, – он улыбнулся, – самое смешное, что она думала, я не слышал...

– Больше не будет, обещала мне. Кстати, ты заметил, она кардинально поменяла мнение о тебе, – сказала Кира.

– Слушай, через месяц моя мама приезжает, по крайней мере, обещала приехать, – сообщил Игорь.

Кира приподнялась.

– Я для нее «цыпочка», она меня так называла, я слышала... И что теперь будет?

– Ничего страшного, она всего дня на три, – успокоил Игорь. – Насчет «цыпочки» тоже не переживай, это временно.

– Нет, я не об этом, я вот думаю, надо фирменный пирог с лимоном испечь.

– Здорово! Мама любит что-нибудь с цитрусовыми.

Через полгода, когда Кира уже покачивала коляску, а Игорь склонялся над сыном, не переставая умиляться крохе, все эти «дохлики» и «цыпочки» исчезли из лексикона тещи и свекрови. Теперь они заботливо справлялись о здоровье внука, называя его лапочкой, малышом, рыбкой, котиком, кровиночкой... А Игорь и Кира стали для них самыми любимыми детьми.

Очень важное задание

– Как здоровье, Любушка? – Леонид почти кричал в трубку, словно боялся, что его не услышат.

– По-разному мое здоровье, годы-то идут.

– Как Вадик? – Леонид называл сына, как в детстве, «Вадик». А Вадика было уже далеко за тридцать.

– Работает, все у него хорошо.

– А внучка Анечка, как она? Уже большая, наверное.

– Ну, так семь лет Анечке, в школу ходит.

На другом конце провода послышался едва уловимый вздох и потом молчание.

– Ладно, Леня, дела у меня по дому, так что до свидания.

– До свидания, Люба, до свидания. Вадик, поди, до сих пор обиду держит на меня? Понимаю... как не понять... Виноват я... а повидаться хочется. Вот такие дела, Люба.

Любовь Васильевна ничего не сказала в ответ и прервала разговор, потому как сказать было нечего, а вернее – не хотелось, все было в прошлом.

Было Вадика двенадцать лет, были они с Леной молодыми, планы строили, сына растили. Но пробежала мимо них «мышка», хвостиком задела, вся жизнь и разбилась... ушел Леня к другой. К яркой, кипучей, задорной молодой женщине. Люба против нее совсем другого характера: спокойная, душевная, покладистая. Ахнуть не успела, как мужа, словно

ветром сдуло.

Работала она тогда в школьной библиотеке в райцентре. После развода уехала с сыном в город, там родители жили тогда; устроилась в библиотеку одного из институтов. И все эти годы тихо работала там до самой пенсии. У студентов была любимицей за свой мягкий характер и отзывчивость, за стремление помочь найти нужную литературу, подсказать.

В ее скулах и карих глазах было что-то восточное, а приятной полноты щеки и губы делали лицо очень милым.

На удивление близким, сын Вадик вырос образованным, красивым парнем. Замуж Люба так и не вышла, тяжело было, особенно первое время, но очень хотела, чтобы сын и муж общались. Но Вадик, запомнив неожиданный уход отца, затаил на него обиду и неприязненно относился ко всем попыткам Леонида повидаться.

Вадим окончил институт, выбрав профессию архитектора. И как-то сразу у него все пошло успешно. Женился, правда, поздно, серьезно подошел к этому вопросу.

Леонида на свадьбе не было. И ни разу не видел внучку. К тому времени он давно «разбежался» с той самой женщиной, перешедшей по молодости лет этой семье дорогу.

После телефонного разговора Люба все это вспомнила и сердце сжалось. Непонятное это было чувство.

– Вадик, может, повидаешься с отцом? – спросила она, – пусть Анечку увидит.

Вадим сначала воспринял в штыки предложение, потом

смягчился.

– Надо повод придумать, – предложила Люба, – там у них леспромхоз, пусть елку привезет внучке.

– Да что у нас елок тут нет? Я любую могу купить.

– То купить, а то сам выберет, как тебе в детстве, каждый год сам елочку выбирал, не покупную...

Вадим согласился:

– Пусть везет елку.

Новость о том, что внучка ждет елку от дедушки, всколыхнула чувства Леонида. Он и сам не ожидал, что под Новый год его ждет такой долгожданный подарок – увидеть сына и внучку. Поэтому просьбу про елку воспринял как очень важное задание. Ответственное задание: выбрать внучке елку.

Он мог купить ее на площади у администрации, среди помятых и скукоженных от тесноты во время перевозки. Но ему непременно хотелось особенную елочку: аккуратную, пушистую, не высокую, не низкую, средненькую такую, в общем, свою елку.

Утром отправился в леспромхоз, мужики знали его, там и начальник знакомый, уж мужик мужика поймет, разрешит елочку выбрать.

Поймал попутку, парень довез до поселка. По дороге Леонид в приподнятом настроении рассказывал о своем задании:

– Дело у меня важное: внучке елку хочу выбрать. Хоро-

шую елку.

В поселке вышел на последней улице и направился к лесу, на проторенную дорогу, по которой лесовозы ходят, и стал ждать.

Мороз был градусов двадцать, Леонид не боялся холода. Но поднялся ветер: колючий, обжигающий лицо.

Наконец, показался огромный лесовоз, тягучим ревом нарушив тишину.

– Как говорится, в такую погоду хозяева собаку на улицу не выгонят, – удивился водитель, – что же тебя заставило из дома в лес отправиться?

– Ты понимаешь, внучка у меня, так вот для нее елочку хочу.

– Подумаешь, елка, купить можно.

– Не-ет, это не то, я свою хочу елку. Сын маленький был, всегда сам выбирал. А сейчас говорит: «Привези елку дочке». Как же я не привезу? Я должен привезти. Так что, мил человек, задание у меня о-очень важное.

– Да я вижу, ты сам рад стараться, нравится тебе задание.

– Еще как нравится, оно мне душу греет.

В леспромхозе отправили к мастеру, тот отправил к начальнику.

– Что за странная просьба, – удивился он, – вон лежат, выбирай, так отдам, раз уж приехал.

– Пойми ты, я хочу по лесу пройти, сам выбрать, своими руками срубить.

– На штраф, что ли, нарваться?

Леонид понял, что тут без правды не обойтись. Он и рассказал вкратце всю правду своей жизни. – Виноват я перед ними, сильно виноват. А тут такой случай за много лет: сын попросил внучке елку привезти, я же впервые в жизни внучку увижу.

Начальник участка молча показал на дверь, вышел вместе с Леонидом, позвал одного из рабочих.

– Вместе пойдете.

Через час Леонид аккуратно обвязал ветви пушистой красавицы и тем же лесовозом добрался до поселка, осмотрев, не повредилась ли елка. На автобус не успел, снова ловил попутку.

– В багажник не войдет, однозначно, – сказал водитель Жигулей.

– Вижу, что не войдет, потому и не поеду.

– Будешь стоять на холоде?

– Буду стоять, может, грузовая пойдет.

Грузовая, причем полупустая, показалась через полтора часа, Леонид к тому времени продрог. Но елку довез в целости и сохранности. Он уже договорился со знакомым, у которого микроавтобус, чтобы до города подбросил, и уже собирался в дорогу, но слег с температурой.

– Леонид Петрович, ну ты едешь?

– Еду, Ваня, мне надо ехать, – слабым голосом ответил хозяин.

– Да ты никак простыл? Леонид Петрович, хрипишь, температура, наверное. Не-ет, не повезу тебя.

Леонид чуть не расплакался от обиды и отчаяния. Ведь все сделал, как хотел, а елку отвезти не может, сил нет. Да и куда он с простудой?

– Слушай, Ваня, если адрес скажу, доставишь?

– Вопросов нет, легко доставлю!

– Только просьба одна: не говори, что приболел.

Леонид не хотел, чтобы знали о его болезни. Казалось ему, что никто не опечалится по поводу его простуды, никто и ни капли жалости «не подаст», потому как не заслужил, – так считал Леонид и думал, что это правильно. «Что я для них хорошего сделал, кроме алиментов, чтобы жалость вызывать?»

Анечка замерла перед лесной красавицей, осторожно трогала ее веточки.

– Это моя елка?

– Твоя, детка, – сказал Иван, довольный, что доставил по адресу.

– А где же дедушка? Папа сказал, что дедушка приедет.

– Не смог. Елку вот передал. Ну, с наступающим всех! – Иван быстро вышел, услышав вслед благодарность от хозяев.

– Все-таки он трус, – сказал Вадим, – ведь дали ему повод приехать, а он все равно не явился на глаза. Может, стыдно...

Люба сидела на кухне (зашла как раз к сыну с невесткой и внучке), слышала весь разговор и не проронила ни слова.

– Мам, ты чего? Плачешь, что ли? До сих пор слезы по нему льешь?

– Я не по нему, сынок, я по жизни нашей непрожитой... да и не плачу я, а так чего-то... Нет, Вадик, не струсил он, это случилось что-то. До этого так рвался увидеться.

– Мам, ну мы тут не виноваты.

– Да это понятно, а все равно как-то не так на душе, Новый год все-таки, доброе дело задумали, а не случилось.

– Ну, елку же передал? Передал. Анята радуется, вечером наряжать будем.

Дня через три после Нового года, когда елка сияла украшениями, распушив ветки и отдавая свой аромат, Вадим вместе с женой и дочкой поехали в райцентр. По навигатору нашел адрес.

Леонид, которого никто не предупредил об абсолютно неожиданном приезде, был растерян, даже потрясен, говорил сбивчиво, неуверенно.

– Здравствуй! Решили заехать, – сказал Вадим, познакомив с женой.

– А я приболел тогда, понимаешь, елку привез и свалился. Сейчас я здоров, все хорошо. А приехать-то хотел, уж как хотел повидаться...

– Ты мой дедушка? – девочка в розовом пуховичке и белой пушистой шапочке с любопытством смотрела на Леонида.

– Я твой дедушка, Анечка.

– А у нас твоя елка стоит! – Аня протянула новогодний пакет. – Это тебе подарок.

Леонид прослезился. Есть моменты в жизни, когда события или случайные слова, сказанные самыми родными, застают врасплох, и ты уже не в силах сдержаться. И тогда в глазах появляется туман от непрошенной слезы.

Вадим с семьей был у отца примерно час, не балуя, конечно, долгим времяпрепровождением. Но и этого было достаточно, чтобы душа у Леонида, хотя бы на время, перестала болеть и появилась настоящая радость общения.

Катя, жена Вадима, улыбочивая молодая женщина, рассказывала, как все гости восхищались их елкой.

– Правда, спасибо за елку, – сказал на прощанье Вадим.

– Да чего там, хотелось красивую найти, внучке угодить. А это для меня очень важное задание.

Они уехали. Ничего не шло на ум, кроме сына, внучки и Любы. Понимал, что ничего уже не склеишь, все живут своей жизнью. И Люба никогда не будет рядом, это он точно знал. И все же был счастлив в этот день, когда впервые за много лет сын переступил порог его дома. Да еще и с внучкой.

А за окном падал снег. И больше ничего не происходило. Просто наступил новый год. И просто на душе у кого-то потеплело.

Сирота

– Чего в угол забился? Сирота, что ли?

– Ага, – Николай невозмутимо кивнул, словно и не его касалось.

Студентки замолчали, с сочувствием посмотрев на заглянувшего в их комнату Колю Лукина.

Первокурсники только начали заселяться. Пятиэтажное общежитие из красного кирпича приняло новоиспеченных студентов с сумками, книжками, гитарами и прочим скарбом, привезенным из дома.

Анжела, Ира и Оля познакомились еще на экзаменах. В первый же день заглянул к ним Коля, русоволосый, курносый парнишка в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Чего зашел, теперь уже никто и не помнит.

– А вот и помощник! – обрадовалась Анжела, расчесывая обесцвеченные волосы. – Ну-ка помоги шкаф передвинуть.

Ира и Оля не успели еще опомниться, как парнишка молча подошел и, несмотря на худощавость и средний рост, сдвинул шкаф с места.

– Ну, ты жилистый, оказывается, – удивилась Ира.

Светленькая Оля Сергиенко, меркнувшая на фоне темненькой Иры и ярко накрашенной Анжелы, помешивала макароны в кастрюльке.

– А вы оставайтесь с нами ужинать, – предложила она.

– И останусь, – Николай не заставил себя уговаривать и присел на стул.

Ел Коля с аппетитом, орудуя вилкой бойко, не отвлекаясь на разговоры. Хотелось расспросить, как же он сиротой стал, да неловко было девчонкам.

С того дня Коля заходил несколько раз на неделе. Иногда просто чай попьет, а если предложат, то и ужинать остается, а в выходные и пообедать.

– О-о-оо, Колюня пришел, – нараспев говорила Анжела или «Колюсиком» называла, а то и «Коляном». А когда уходил, ворчала, – прикормили Колюню, не отвяжется теперь.

– Да и ладно, жалко, что ли, макароны или картошку, – оправдывалась тихая Оля, пусть поест, сирота все-таки.

– Ты хоть бы накрасилась, – советовала Анжела, – а то, как мышка, незаметная такая...

– А зачем? – удивлялась Оля.

– Понятно, – усмехнулась Анжела, подмигнув Ире и кивнув в сторону Оли, – учиться приехала.

– Ну да, учиться. А как по-другому?

Анжела рассмеялась заливисто, упав на кровать, застеленную общежитским одеялом.

– А я думаю, замуж надо удачно выйти. Только не за такого вот Колюсика, сироту казанскую.

– Тоже мне «Москва слезам не верит», – тихо заметила Оля.

Перед ноябрьскими праздниками субботним утром Ан-

жела пришла из душевой с полотенцем на голове, удивление застыло в глазах:

– Девоньки, а наш Колюня вовсе не сирота... а мы его прикармливали, жалели, а к нему мамка вон приехала... вооот с такими сумками. В цветастом платке с кистями, пышная такая, в валенках...

– Да ну! – Ира соскочила с кровати, подбежала к двери и выглянула в коридор.

– Поздно, зашли уже в комнату.

– А почему ты решила, что это его мама? – засомневалась Оля.

– Да я сама слышала, как мамой назвал, так и сказал: «Давай, мама, я сам сумки подниму».

– Дармоед! Прикинулся сиротой, а мы и поверили, – возмущалась Анжела.

– Ну и что, не объел же нас, – пыталась заступиться Оля.

– Да правда, Анжелка, брось, подумаешь, мамка приехала, радоваться надо, что у парня мать есть.

Разговоры утихли, и до самого вечера никто не вспоминал про Колю.

Уже стемнело. Никто не видел, когда Лукин проводил гостью на автобус. Часов в семь вечера дверь в комнату девчонки открылась, обычно Лукин стучал, а в этот раз вошел без стука. Точнее сказать, сначала показалась охалка свертков, которые он держал в руках.

Коля молча подошел к столу и сложил все это, едва не

рассыпав. Аккуратно поставил литровую банку молока. А сверху, на свертке со сдобой, возвышалось колечко домашней колбасы – самой настоящей, запеченной в русской печи с ароматным лавровым листом, чесноком, перчиком.

Анжела, уперев руки в бока, подошла к столу в полной готовности вывести Лукина на чистую воду. Но запах домашней колбасы, как защитный Колин оберег, остановил ее. Это был сногшибательный запах, который способен открыть, пожалуй, любую дверь и вызвать нешуточный аппетит.

– Ну, че, девчонки, угощайтесь, – Колька для пущей достоверности указал на гостинцы.

– Это нам, что ли? – Ира еще не верила, что продукты предназначены для них.

– Ну а кому?

– Так много? – удивилась Оля. На плите стояла вареная картошка. – Так, может, ты с нами?

– Не-е, я наелся, – Коля сел на Ирину кровать, стоявшую ближе всех к нему.

– Да мы только ужинать собрались, хоть чаю выпей.

– Ну, чай можно, – согласился парень.

Все на время забыли про Колину маму, и только за столом Анжела все же не выдержала и первой начала разговор, прежде попробовав домашнюю колбаску.

– А что, Колюня, мамка, значит, приезжала?

– Не-ет, это тетя Маня, тетка Мария, я у них с пятнадцати лет жил.

– Как это тетка? Не поняла, – Анжела настолько была удивлена, что готова была обвинить Лукина в обмане.

– А чего непонятного, тетка из деревни продукты привезла.

– Так ты сирота или нет?

– Ну, получается, сирота. Папки давно нет, мамки три года назад не стало. Вот я и жил у дядь Вани и тети Мани. У них своих двое, старше меня, внуки уже есть... Часто ездить не может, а к празднику приехала.

– Ну, хватит вам! – тихая Оля впервые повысила голос на подруг. – Хватит вам спрашивать! Прямо допрос устроили. Послышалось тебе, Анжела, насчет... ты сама поняла, о чем я.

С того дня вопрос о Колином сиротстве больше не поднимался, и в комнате девочек он был всегда желанным гостем.

– Коль, как думаешь, эту тумбочку можно починить? А то комендантша на всю общагу кричит, что нет у нее других тумбочек.

– Посмотрим, – отвечал Коля. Потом по всему общежитию искал хоть какие-нибудь инструменты. И ведь нашел. И починил полуразваленную тумбочку. Так же и с форточкой, которая не хотела закрываться.

Учился Лукин плохо. Вообще-то он старался, вечерами читал, даже зубрил. Но не давался ему русский язык, к тому же еще иностранный надо было изучать, да еще культурологию – все чаще вздыхал, не испытывая радости от поступле-

ния на филфак.

После Нового года, не сдав сессию, Коля решил бросить институт. Декан уговаривал подтянуться, предлагал помощь.

– Выучишься, в родную деревню поедешь работать, в селе учителя очень нужны.

– Не мое это, зачем место занимать, пусть другие учатся. Я в школе сочинения хорошо писал, вот и уговорили на филфак документы подать.

Помочь пыталась и Оля, предлагая подготовить Лукина к пересдаче.

– Нет, я уже решил, на стройку пойду, уже договорился, меня в бригаду берут.

Выписавшись из общежития, Коля остался в городе и поселился в общежитии строительного управления. Весной девчонки замечали, как Оля убегала на свидания к Лукину, ждавшему ее у входа.

В конце апреля Колю призвали в армию.

– Неужели ждать будешь? – съязвила Ангела.

– Буду!

– Ну-ну, целых два года письма писать, вот уж точно одной учебы тебе мало...

– Хватит, Ангелка, не смейся, – Ира решила заступиться за Олю. – Хочет, пусть ждет, не всем же за «Ален Делонов» замуж выходить.

Когда Коля Лукин вернулся из армии, Оля уже была на третьем курсе. Летом они поженились, и она переехала к

нему в общежитие того же самого строительного управления. На пятом курсе у нее уже был ребенок. Как они справлялись без бабушек и няnek (у Оли мать тоже далеко в деревне жила), никому неизвестно. На защиту диплома Оля пришла с коляской. Димка сладко посапывал, пока мама Оля защищала диплом. В это время рядом с ним были Ира и Анжела, умиляясь маленькому человечку.

– За пять лет наша Оля умудрилась в институт поступить, с Колей познакомиться, в армию его проводить, дожидаться, замуж выйти, сына родить, – сказала Анжела.

– И диплом защитить, – Оля вышла счастливая, склонилась над коляской. – А еще нам квартиру в новостройке обещали.

К аудитории подошел Николай. За эти годы раздался в плечах, отрастил усы, выглядел теперь гораздо старше, серьезнее. Смущенно протянул жене цветы.

– Ну вот, будет у нас теперь в семье учительница.

– Да! Я – учительница! А ты мой строитель! – она обняла его, встав на цыпочки.

– Учись, Анжела, – шепнула Ира, – пятилетка у Ольги прошла на «отлично». А у нас с тобой все еще только впереди.

За окном шлейфом расстился аромат сирени, а по календарю – начало восьмидесятых. Для кого-то золотое время счастливой молодости.

Синее платье

Цок-цок-цок... каблучки стучали по асфальту, успевшему высохнуть после весеннего дождя. Дине приятен этот стук, она спешит домой. Плечи немного затекли от сидячей работы на приборо-ремонтном заводе, но она не ощущала усталости. Да какая может быть усталость в двадцать два года, когда вся жизнь, все радости впереди.

Подойдя к магазину тканей, остановилась и решила заглянуть на минуточку. В магазине образовалась небольшая очередь – явный признак дефицита. Дина, еще не видя, что за ткань «выбросили», присоединилась к очереди. И только когда взглянула на прилавок, увидела синий рулон, который продавщица ловко переворачивала, когда отмеряла ткань.

Это был материал синего цвета, в котором, пожалуй, больше насыщенной голубизны, похожей на небо. Дина прильнула взглядом, как зачарованная. Представила себя в платье из этой ткани и в груди что-то радостно заклокотало. Ткань была легкая, струящаяся, а цвет, как магнит, притягивал взгляды.

«Хоть бы хватило», – прошептала Дина, представив себя в синем платье на свидании с Борисом, про себя она мысленно называла его Боренька, но вслух не решалась. Они познакомились в марте и еще даже немного смущались, встречаясь.

Пока Дина думала о Борисе, рулон уменьшался, все стоя-

щие впереди покупательницы (в очереди были одни женщины) непременно брали отрез синей ткани. Дина забеспокоилась, появился страх, что не хватит. Рулон «таял» на глазах. Мечта о платье стала меркнуть. «Может, на блузку хватит», – едва слышно прошептала она. Впереди стоявшая пожилая женщина обернулась, Дина сомкнула губы, поняв, что ее слова были услышаны.

Остатки ткани достались как раз этой женщине, и Дина оказалась перед пустым прилавком и вопросительным взглядом продавщицы.

– А есть еще такая же ткань? – неуверенно спросила она.

– Такой больше нет.

– Ну, может, еще рулон найдется, мне очень надо, – не надеясь на чудо, спросила девушка.

– Я же вам сказала: больше нет. Выбирайте из того, что есть.

– Вот так всегда: «выбросят», лишь бы подразнить, и снова пусто, – с негодованием сказал кто-то в очереди.

Дина молча отошла от прилавка, настроение уже не было таким радужным. Оказаться рядом с Борисом в синем платье уже не представлялось возможным.

Она вышла, заметив, что небо снова «нахмурилось».

– Скажите, а вам очень нужна эта ткань?

Дина не поняла, к ней ли это обращаются. Повернулась и увидела ту самую пожилую женщину, которой достался остаток ткани. В светлом плаще, в шляпке, из-под которой по-

блескивала седина, с лучиками-морщинками у глаз – она выделялась неброской интеллигентной красотой и элегантно-стью.

– Может, у вас важное событие, и вы хотели новое платье? – продолжала допытываться женщина.

Дина пожала плечами.

– Нет никакого события, просто... просто у меня свидание... Я хотела пойти на свидание в новом платье, – искренне призналась она.

– Свидание... – повторила женщина вслед за Диной, и ее лицо, словно солнечным лучом, осветила улыбка. – Как это знакомо: свидание. Кажется, вчера было, – она подошла ближе, – как вас зовут?

– Дина.

– Диночка, вам удивительно подходит этот цвет, – она достала из сумки сверток и развернула его. На улице отрез стал еще выразительнее, на него было приятно смотреть. – Я как-то машинально его взяла, мужу покойному нравилось, как я одевалась, и этот цвет нравился... но вам, Дина, нужнее, у вас свидание, – она протянула сверток, – возьмите, пусть у вас будет красивое платье.

– Что вы! – Дина отпрянула. – Вы же для себя купили.

– Берите, вам, молодой девушке, изумительно идет, а я просто случайно взяла, по доброй памяти. Это ваш отрез, вы его должны были купить. Вы не думайте, я вам его за деньги отдаю, – сказала женщина, испугавшись, что Дина откажет-

ся.

– Сколько? – спросила девушка.

– Сколько заплатила, столько и стоит.

Дина отсчитала деньги и хотела немного дать сверх, но женщина категорически отказалась.

– Скажите, вам точно этот материал не нужен? – еще раз спросила девушка.

– Точно, милая, точно. Пусть тебе платье красивое сошьют... Портниха-то есть?

– Есть! – радостно кивнула Дина.

– Вот и славно! – она не спеша пошла на остановку, неся в руках сумку молочного цвета.

– Спасибо вам! – крикнула Дина.

Она еще раз посмотрела на ткань, осознавая происшедшее. Вот подошел автобус, женщина села в него... и только тогда Дина вспомнила, что не спросила, как зовут незнакомку.

Портниха Зоя, которую постоянные клиенты называли Зоечкой, открыла дверь, впустив Дину.

– Зоечка, я ткань купила. Сошьешь мне платье?

По лицу Зои было видно, что она завалена заказами.

– Ну очень надо, – жалостливо сказала Дина.

– Горит, что ли? – недовольно спросила Зоя.

– Не горит, но, понимаешь, очень надо новое платье, а тут такая ткань...

– Ну показывай, чего там у тебя.

Девушка развернула сверток.

– Ну-у-уу, хорошая ткань. Где такую взяла?

– В тканевом на Маяковского.

– Как шить будем?

– Не знаю, придумай, – попросила девушка.

Зоя взяла тетрадку, быстро набросала фасон и показала Дине.

– Так просто? – удивилась Дина.

– А тут не надо сложного, ткань сама по себе достойная.

Готовое платье Дина не хотела снимать, так хорошо оно на ней сидело. Отрезное по талии, оно подчеркивало ее фигуру, струилось легко, освежая синевой.

– Ну, хороша девка, – сказала Зоя.

– Спасибо, Зочка, в самый раз, а цвет... нарадоваться не могу.

Майский день выдался теплым. Дина впервые надела свое синее платье, туфли-лодочки и прихватила легкий плащик. Солнце играло в витринах магазинов, казалось, даже лица прохожих преобразились от весенних лучей. Дина время от времени опускала глаза, чтобы увидеть изумительный цвет платья; потом смущенно смотрела вперед, словно кто-то мог ее упрекнуть в излишней радости.

– Ты какая-то сегодня... другая, – заметил Борис, глядя Дине в глаза, – и платье красивое... тебе очень идет.

– Правда?

– Самая настоящая правда, – искренне признался он и

взял девушку за руку.

В синее платье Дина наряжалась еще много раз. И на второй день собственной свадьбы она тоже была в нем, и они с Борисом дружно раздавали гостям блины.

После рождения Димки платье из-за небольшой полноты на время пришлось отложить. Потом еще несколько раз надела его, пока не родился Ромка. И тогда платье перекочевало в комод.

У Дины были разные вещи... Но иногда она доставала синее платье, приложив к себе, смотрела в зеркало, вспоминала, как первый раз пошла в нем на свидание и как в тот день Борис предложил выйти за него замуж. Это была та вещь, от которой почему-то не хотелось избавляться.

Серые глаза

– Юрий Матвеевич, вы мне машину разрешили свою взять, а водителя не могу найти, – снабженец, заглянувший в кабинет главного инженера, выглядел беспомощным и ждал спасительно ответа.

– А чего его искать? В плановый загляни, наверняка там.

– А-а-аа, – снабженец хлопнул себя ладонью по лбу, – точно, у Нели сидит, понял, спасибо, Юрий Матвеевич.

– Да не за что, уж вся контора знает, где Сергея искать.

Водителя, который был закреплен за главным инженером, и правда можно было чаще всего увидеть в кабинете молодого плановика Нели Масловой. Ровная челка, собранные на макушке волосы и большие серые глаза, на которые все обращали внимание. Но самый первый человек на предприятии, кто выделил эту хрупкую девушку, был Сергей, водитель главного инженера, молодой, холостой, высокий и задумчивый.

Он сел на стул, стоявший почти у самой двери, и гипнотизировал девушку взглядом.

– Зачем пришел? – спрашивала она.

– Просто так, посмотреть в твои серые глаза.

– Некогда мне, видишь, работаю.

– А я не мешаю. Могу молча сидеть.

Неля уже привыкла к таким визитам и спокойно работала,

не обращая внимания на скромного водителя. Она привыкла, когда кто-то заходил из конторских и, кивнув на дверь, говорил:

– Поехали.

Сергей вставал, еще раз взглянув на девушку, исчезал за дверью. Он не засиживался в гараже с мужиками, он шел к Неле, и не было ему дела до того, кто и что сказал. Еще иногда приносил что-нибудь сладкое – дефицитные дорогие шоколадные конфеты. Молча оставлял на столе и уходил. Пару раз предлагал сходить в кино, но девушка отказывалась.

Так тянулись дни и месяцы. Все знали, что Серега, водитель главного, равнодушен к молодой плановичке с красивыми глазами.

– Неля, ухажер-то у тебя настырный, так, глядишь, и до загса доведет, – кадровичка Нина Мироновна подмигнула, высказав свое предположение.

– Да что вы, даже не думаю, и вообще не нужен он мне.

– Ой, не скажи, он ведь от тебя не отходит.

– А что я сделаю, силой, что ли, выгонять... Главному может пожаловаться...

– Сама смотри, Сережка-то вроде хороший, молодой, серьезный.

Неля морщила аккуратный носик, показывая, что ей все равно, цокала каблучками по коридору, здороваясь с коллегами. Когда она спускалась в цех и шла мимо станков, молодые работяги оглядывались на нее, наблюдая, как колышут-

ся в такт шагам ее светло-русые волосы.

– Не надоел он тебе?

– Кто?

– Сама знаешь кто. Серега с «буханки».

Молодой слесарь Сашка был Неле почти родней, являясь женихом ее двоюродной сестры. Только об этом на предприятии никто не знал. В глазах девушки мелькнул озорной огонек.

– А что делать? Куда деваться? Наверное, пока замуж не выйду, не отстанет.

– Ну так ты скажи, что у тебя жених есть, может, успокоится.

– Ну вот ты и будешь женихом!

– А Светка не обидится? – Сашка сразу подумал о своей невесте, двоюродной сестре Нели.

– Да я сама ей расскажу, она поймет. Сегодня на служебный вместе пойдем, он всегда там главного ждет, пусть видит.

Сашка почесал затылок.

– Ну смотри, я не против помочь, если ты, конечно, хочешь, чтобы и правда отстал. А то, может, он тебе нравится...

– Договорились же, – оборвала девушка.

Сказанные Нелей слова о замужестве совершенно не обескуражили Сергея, он совсем не удивился, а только сказал: «Не верю».

Неля пожала плечиками и равнодушно уткнулась в бумаги.

А вечером все так и произошло. Сашка обнял девушку и на глазах у Сергея чмокнул в щечку. Так, в обнимку, они и пошли к автобусу. Единственное, о чем жалела Неля, что не увидит реакцию Сергея на следующий день, потому что уходит в отпуск.

На работу она вышла через месяц. Бодрая, посвежевшая, кажется, стала еще красивее. В отпуск они ушли в один день с Сашкой, и она успела погулять на его свадьбе.

В конторе все было как обычно. На своем месте стояла служебная машина главного инженера. На втором этаже в приемной слышался стрекот печатной машинки «Ятрань» – наверняка секретарша Галя усердно строчила очередной приказ.

Она оглядела рабочий кабинет, сняв красный плащик, осталась в светлом платье, потом заглянула к начальнику планового, взяла новое задание. Ближе к обеду почувствовала что-то необычное, словно чего-то не хватало в ее привычном рабочем процессе, подняла свои красивые серые глаза и посмотрела на дверь. Потом встала, подошла к окну, откуда хорошо просматривалась вся территория. Возле машины главного инженера вместо светловолосого Сереги стоял долговязый темненький паренек и старательно протирал стекла.

Это было так неожиданно, что она отошла от окна и наконец поняла, чего же не хватает сегодня. За полдня Сергей

ни разу не заглянул к ней. Она вспомнила, как они с Сашкой на глазах у Сергея повели себя как влюбленная парочка... «Неужели он поверил?» – подумала Неля. И только сейчас ей стало неловко, даже стыдно за свой поступок.

Перед обедом заглянула в отдел кадров к Нине Мироновне и невзначай поинтересовалась новеньким.

– Так это новый водитель Юрия Матвеевича. Сережа-то уволился...

– Как уволился? Почему?

– Так он на БАМ уехал.

– Когда?

Нина Мироновна задумалась, что-то подсчитывая в уме.

– погоди, кажется, сегодня. Да, вот, наверное, через час поезд, с вокзала их торжественно провожают. А ты разве не знала?

– Так я же в отпуске была.

В следующие минуты Неля даже не понимала, что ею руководит, не осознала еще, и совершенно неважно стало, что о ней подумают.

– Юрий Матвеевич, пожалуйста, дайте вашу машину, мне на вокзал срочно надо, прямо сейчас, – она смотрела умоляюще.

– Что у тебя стряслось, Маслова?

– Мне надо Сергея увидеть... ну который у вас водителем работал.

– Вот тебе на! То, как скала неприступная, а то вдруг уви-

деть... Не поймешь вас, молодых. Ну бери, раз надо.

Она бежала по перрону в светлом платье, держа в руках красный плащик, потому что день выдался теплым. Группками стояла молодежь, рядом провожающие. Вот парень играет на гитаре, поет про туманы. А дальше «рвется» из магнитофона голос Высоцкого, кто-то плачет, кто-то смеется: «Это же комсомольская стройка! Это же БАМ!»

Неля ищет глазами в надежде увидеть Сергея, хотя уже почти отчаялась найти в толпе знакомое лицо.

Он первым увидел ее, пошел навстречу, оставив на минуту родителей и младшего брата. Она почти наткнулась на него.

– Сережа! – запыхалась от быстрой ходьбы и волнения. – Сережа, я хотела тебе сказать, что тогда с Сашкой – это все неправда. Это просто ерунда какая-то, я не подумала тогда... Сашка мне родня, он теперь муж моей двоюродной сестры, я даже на свадьбе у них была...

Он не сказал ни слова, легкий ветерок трепал светлые волосы, безотрывно смотрел в ее серые глаза, словно стараясь запомнить. А она ждала хотя бы слова, хотя бы улыбки. А он был серьезным, даже не пытаясь улыбнуться. Наконец, произнес, может, самые главные для них обоих слова:

– Ты приедешь ко мне?

– Что? – Неля была обескуражена вопросом и потому переспросила.

– Ты приедешь ко мне? – повторил он.

Она еще несколько секунд молчала, потом кивнула. И не надо было больше слов и объяснений, в этот момент обнял ее и так хотелось поцеловать впервые в жизни... Но рядом стояли родители, и стеснение охватило обоих.

Полгода они переписывались. И в каждом письме Сергей вспоминал ее серые глаза. Он приехал в отпуск ненадолго. Но за это время они успели сделать праздничный вечер, на котором были родители и самые близкие родственники. А уже там, на БАМе, расписались. В небольшом таежном поселке родился их первенец, потом дочка. Через пять лет вернулись в родной город, оставшись в нем теперь уже навсегда.

* * *

– Ой, бабуля, как это все романтично! Неужели это все с тобой было?

– Да что уж там романтичного, ничего особенно, я тебе все вроде по-простому рассказала.

– Нет, бабуля, это очень романтично, и я бы написала это все загадочно, интригующе, с долей романтики...

Нелли Андреевна (именно так звучит ее полное имя, хотя по молодости на работе все звали просто Неля) поставила чайник, достала любимый сервиз. Вместо светлой челки – легкие локоны короткой стрижки, вместо хрупкой фигурки – приятная полнота. Но глаза – такие же красивые серые глаза. Дверь в прихожей открылась.

– О-о, дед пришел! – девушка пошла встречать.

– Вот так гостя у нас! Аришка, ну иди, обниму.

– Деда, привет! А мне бабуля такую историю рассказала, а я так это все красиво представила, ну прямо сплошная романтика!

– Что за история?

– Ну, про то, как ты на БАМ уезжал, как бабушка на вокзал примчалась, проводила тебя.

– А-а-аа, помню, прибежала, на шею мне бросилась, возьми, говорит, с собой...

– Ну что ты придумываешь, седая твоя голова! – Нелли Андреевна с укоризной посмотрела на мужа, заметив улыбку на его лице. – Не было такого, дорогой ты мой муженек!

– Ну, уж и приукрасить нельзя!

– Да Аришка уже приукрасила. Садитесь-ка лучше за стол, сочинители вы мои.

– Не, бабуля, – Ариша встревожилась, – а то, что ты сначала дедушке отказала и даже пошутила, – это правда?

– Правда, внучка.

– А то, что на вокзал успела приехать, – правда?

– Тоже правда! – сказала Нелли Андреевна.

Сергей Николаевич обнял внучку:

– И то, что глаза у тебя бабушкины, – это тоже правда. Такие же красивые серые глаза.

Добро пожаловать в семью, детка

– Очень мило, – Ольга Геннадьевна смерила взглядом Полину, молодую жену сына Никиты, – ну проходите, садитесь за стол.

Никита что-то шепнул на ушко жене, подбадривая. Полина, стройная, светло-русая девушка, не собиралась бояться и глаза вниз не опускала.

– Спасибо, Ольга Геннадьевна, сейчас только руки помою. Где у вас ванная?

Хозяйка приподняла брови, смелость девушки сбила ее с толку.

Когда Никита объявил, что женился и что они временно будут жить у родителей, Ольга Геннадьевна стучала ладонью по столу: «Я против! Я категорически против!»

Теперь она наблюдала, как Полина смело накладывает салат, с аппетитом пережевывая, запивая морсиком.

– Никита, попробуй, это очень вкусно, – подсказывает она.

– Да уж сам разберется, не у мачехи рос, – заметила Ольга Геннадьевна.

Она встала и подала фартук невестке.

– Посуду надо помыть.

– Ага, сейчас, только доем, – Полина не отказывалась, слово сдержала и отправилась на кухню. Ольга краем глаза сле-

дила за ней. С первого взгляда ей не нравилось, как Полина моет, вытирает, как расставляет посуду.

– Да что вы так переживаете, – запросто заметила девушка, – разберусь со временем, шли бы отдыхать, нечего за мной присматривать.

Ольга Геннадьевна вспыхнула, резко развернулась и пошла в спальню.

– Сеня, – она шепотом позвала мужа, – ну ты подумай, кого он привел, она ведет себя, как будто родилась здесь. А на самом деле приبلудная какая-то, и нашел же Никита ее в каком-то общежитии.

Арсений отложил журнал и вздохнул.

– Ну, что поделаешь, раз сын уже вырос. Зря он, конечно, просто расписался, мы могли бы и свадьбу сделать.

– А я против свадьбы, категорически против! Поживут вместе и разойдутся, надеюсь, глаза у него откроются.

Прошла неделя.

– Полина, пора запомнить, как сервировать стол, – сделала замечание Ольга Геннадьевна.

– У нас что, гости? – равнодушно спросила девушка.

– У нас так принято, – натянутым голосом сказала свекровь, испепеляя невестку взглядом. – Никита рос в приличной семье.

– Я уже это слышала. Однако на штамп в паспорте это не влияет, я – законная жена, и нечего меня каждый раз носом

тыкать, я вам не котенок.

– А ты не дерзи, ты в моем доме живешь.

Полина надкусила яблочко, уперлась пятой точкой в подоконник.

– Ну, раз я тут живу, значит, это и мой дом, придется вам смириться. И вообще, хватит ворчать, как вас только студенты терпят...

– Сеня, Сенечка, – Ольга Геннадьевна «поплыла» в зал жаловаться мужу, – ты знаешь, что она говорит, да она скоро вообще права на нашу квартиру заявит. Нет, я не желаю это терпеть... Наш сын привел какую-то хабалку, никакого уважения к старшим, она вообще нас ни во что не ставит.

– Оля, ну что я могу сделать, это выбор Никиты, надо заметить, внезапный выбор. Могу только предложить им переехать в новую квартиру, которую мы купили для Никиты. Правда, там еще ремонт идет.

– Ничего, пусть сами заканчивают ремонт, – Ольга услышала, как пришел сын.

– Никита, сынок, а не пора ли вам переехать в новую квартиру, молодая семья должна жить отдельно.

– Так там же еще ремонт, – Никита удивился предложению матери.

– Ну нет, мы отказываемся, – ответила Полина, догрызая яблоко. – Нам сейчас деньги на обстановку нужны, на ремонт мы их тратить не готовы. Вот будет все сделано, тогда переедем. Правда, Никита?

– Ну да, логично, – Никита согласился с женой. – Мам, мы еще поживем.

– Ну, если поживете, тогда воспитывай свою жену...

– Мам, ну чего опять?

– Женился без нашего согласия, привел в дом неизвестно кого...

– Это почему же неизвестно кого? Меня не на вокзале нашли...

– Ну да, то-то родителей твоих ни разу не видели...

– Так они в деревне живут. Нет, ну если вы хотите, чтобы они погостили у вас, то, пожалуйста...

– Нет! Не хочу! Я против, я категорически против! Хватит, что ты у нас живешь.

Ежедневные перепалки продолжались уже второй месяц. Ольга Геннадьевна делала замечания, Полина огрызалась, Никита, казалось, не замечал, Арсений Сергеевич терпеливо успокаивал жену. Не вмешивалась только Анна Михайловна, мать Ольги и бабушка Никиты, поскольку жила отдельно.

– Сеня, Сеня, мама сломала ногу! Представляешь, уже гипс наложили. И что она будет делать дома одна? Я думаю, надо перевезти ее к нам, я буду ухаживать.

– Ну, о чем разговор, конечно, привезем, – Арсений Сергеевич рад был помочь любимой теще.

– Мама, даже не думай, ты нас не стеснишь, я возьму отпуск без содержания и буду с тобой, – Ольга рьяно взялась

ухаживать за матерью.

– Никита, я должна быть на конференции. Побудешь с бабушкой? А то у нее давление к тому же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.